

МАРГАРИТА ФУАРО ЛИССБЕТ КОТЦОВА

РАЗВОД С ДРАКОНОМ.

Я СТАЛА ХОЗЯЙКОЙ
ЗАПРЕТНОГО ЛЕСА

Маргарита Фуаро

**Развод с драконом. Я стала
хозяйкой запретного леса**

«Литнет»

2026

Фуаро М.

Развод с драконом. Я стала хозяйкой запретного леса /
М. Фуаро — «Литнет», 2026

ФИНАЛ КНИГИ Меня звали Евой. В моём мире я была обычным участковым терапевтом: уставшей, незаметной, вечно спешащей на чужую боль. А потом авария, белый свет фар - и я открыла глаза в теле Эвелины де Вальер, жены драконьего герцога. В тот самый миг, когда мой муж публично снимал с моей шеи брачное ожерелье и надевал его на другую. Для него я была пустышкой без магии. Ошибкой. Бесполезной женой, не сумевшей дать роду наследника. Что ж, я подписала развод. И вместо денег выбрала то, к чему никто из драконов не смеет прикоснуться, - запретное Глухолесье. Они думали, я умру там за неделю. Но лес оказался не проклятым. Он оказался больным. И я, кажется, единственная, кто может поставить ему диагноз. Теперь за мной охотятся драконьи роды, бывший муж требует вернуться, его новая невеста играет с древним злом, а рядом со мной стоит изгнанный принц погибшего королевства, который знает обо мне слишком много. Я не просила новую жизнь. Но раз уж мне её дали - я больше не позволю никому решать, кем мне быть. Я не пустышка. Я врач. И Глухолесье - мой пациент.

Содержание

Глава 1. Ожерелье Алого дома	5
Глава 2. Дорога, с которой не возвращаются	10
Глава 3. Человек из леса	17
Глава 4. Живая вода	23
Глава 5. Последний управляющий	30
Глава 6. Дом, который помнил	37
Глава 7. Алый рёв	43
Глава 8. Первая кровь	49
Глава 9. Голос в семени	56
Глава 10. Диагноз для дракона	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1. Ожерелье Алого дома

Умирать в четверг было особенно обидно.

В четверг у меня всегда был самый тяжёлый приём: давление, кашель, “доктор, выпишите что-нибудь от нервов”, “доктор, я только спросить”, “доктор, у меня талон на прошлую неделю, но вы же примете”.

Я приняла.

Всех.

Даже бабу Зину с третьего участка, которая пришла не за лечением, а пожаловаться на невестку, цены и кота, подозрительно похожего на её покойного мужа.

К семи вечера я уже плохо помнила, как меня зовут. К девяти — перестала чувствовать ноги. К десяти, когда заведующая бросила на стол ещё один вызов, я только посмотрела на адрес и молча взяла сумку.

— Ева Сергеевна, вы же понимаете, кроме вас некому, — сказала она, даже не поднимая глаз.

Конечно, понимала.

Мне всегда было “некому”.

Пожилой мужчина, высокая температура, одышка. Далеко, окраина, частный сектор. Скорая “приедет, когда освободится”. Я села в такси, прижала к груди медицинскую сумку и впервые за день позволила себе закрыть глаза.

Водитель что-то говорил про гололёд.

Потом был визг тормозов.

Белый свет фар.

Удар.

И моя последняя, совершенно глупая мысль:

“Только бы успеть...”

Я открыла глаза от холода.

Не от боли. Не от страха. Именно от холода — тонкого, металлического, будто кто-то приложил к моей шее лезвие.

Я стояла посреди огромного зала.

Над головой горели сотни свечей в хрустальных люстрах. По стенам тянулись алые гобелены с вышитыми драконами. Воздух пах вином, горячим воском, духами и чем-то острым, незнакомым — как гроза, запертая в камне.

Передо мной стоял мужчина.

Высокий. Черноволосый. Красивый настолько, что это было почти неприятно. Не человечески красивый — слишком резкие скулы, слишком холодные глаза, слишком прямая осанка. На его висках под кожей едва заметно мерцали тонкие алые линии, похожие на трещины в раскалённом угле.

Его пальцы касались моей шеи.

Он расстёгивал ожерелье.

Я хотела отшатнуться, но тело не послушалось. Колени дрожали. Корсет сдавливал рёбра так, что вдох давался с трудом. Тяжёлое платье тянуло вниз. Волосы, не мои — длинные, серебристо-русые, уложенные в сложную причёску, — больно тянули кожу у висков.

“Что происходит?”

В зале было тихо.

Слишком тихо для такого количества людей.

Десятки лиц. Мужчины в камзолах. Женщины в платьях, похожих на распутившиеся ядовитые цветы. Слуги у стен. Старики в тёмных мантиях. Все смотрели на меня.

Нет.

Не на меня.

На ту, в чьём теле я стояла.

— Отныне, — произнёс мужчина низким, ровным голосом, — знак супруги Алого дома будет носить та, кто достойна стоять рядом со мной.

Замок щёлкнул.

С моей шеи сняли ожерелье.

Я вдруг поняла, почему мне было холодно: камни касались кожи, а теперь исчезли, оставив после себя пустоту. Будто с меня сняли не украшение, а кусок имени.

Мужчина повернулся.

Рядом с ним стояла девушка в белом.

Белое платье. Жемчуг в волосах. Нежная улыбка. Лицо такое мягкое, что хотелось верить ему с первого взгляда.

Она опустила ресницы.

— Милорд Рейнар, я не уверена, что это уместно...

Ложь.

Я не знала её. Не могла знать. Но голос врача во мне, тот самый профессиональный внутренний голос, который годами учился слышать фальшь между жалобами пациентов, сказал коротко и сухо:

“Симулирует”.

Мужчина — Рейнар — надел ожерелье ей на шею.

Алые камни вспыхнули.

Зал выдохнул.

А у меня в голове что-то треснуло.

Воспоминания хлынули резко, как кровь из вскрытой вены.

Эвелина де Вальер.

Жена герцога Рейнара Астерхольда. Три года брака. Три года одиночества в чужом доме. Пустышка. Без дара. Без драконьей искры. Без детей. Без права голоса.

Шёпот за спиной.

“Бесполезная”.

“Не разбудила его кровь”.

“Герцогу нужна настоящая супруга”.

“Леди Летиция принесёт дому наследника”.

Я схватилась пальцами за ткань платья.

Так.

Дышать.

Вдох на четыре счёта. Выдох на шесть.

Паника потом. Диагностика сейчас.

Меня зовут Ева. Мне двадцать семь. Я участковый терапевт. Я попала... куда-то. В тело женщины, которую прямо сейчас публично уничтожают.

Отлично.

Бывало и хуже.

Хотя нет, хуже, пожалуй, не бывало.

— Леди Эвелина, — произнёс один из стариков в мантии. — Согласно решению герцога и согласию Совета драконьих родов, ваш брак с главой Алого дома признаётся расторгнутым.

Он говорил так, словно зачитывал выписку из амбулаторной карты.

Сухо. Быстро. Без участия.

— Причина: отсутствие брачной совместимости, отсутствие магического резонанса, отсутствие наследника и невозможность дальнейшего укреплении рода.

В зале кто-то тихо усмехнулся.

Рейнар даже не посмотрел на меня.

Он смотрел на Летицию.

А она, милая, нежная, светлая Летиция, подняла глаза и подарила мне взгляд.

На одно мгновение.

Всего на одно.

И я увидела под этой сахарной улыбкой такое торжество, что пальцы сами сжались в кулаки.

“Она наслаждается”.

— Леди Эвелина, — продолжил старик, — вы сохраняете право на компенсацию, установленную брачным договором.

Передо мной возник столик. На нём — перо, чернильница и раскрытый свиток.

Буквы были незнакомыми.

Но я их понимала.

Ещё один подарок этого безумного мира.

— Подпишите, — сказал Рейнар.

Первое слово, обращённое ко мне.

Не “простите”. Не “вы в порядке?”. Не даже “прощайте”.

“Подпишите”.

Я медленно подняла на него глаза.

Вблизи он был ещё холоднее. Глаза серые, почти стальные, но в глубине зрачков мелькало алое, нечеловеческое. Драконье. От него исходила сила — тяжёлая, давящая, как приближение грозы.

Когда-то Эвелина боялась этого взгляда.

Я почувствовала её страх в теле: дрожь в пальцах, сухость во рту, привычное желание опустить голову.

Бедная девочка.

Сколько же раз тебя учили молчать?

— Подпишу, — сказала я.

Голос прозвучал тихо, хрипло, но это был мой голос.

В зале снова стало тихо.

Рейнар чуть заметно нахмурился. Кажется, он ожидал слёз. Обморока. Мольбы. Чего угодно, только не спокойного ответа.

Я взяла перо.

Рука дрожала, но я удержала её. Подписала чужим именем, которое теперь почему-то стало моим.

Эвелина де Вальер.

Чернила легли на пергамент чёрной раной.

Старик удовлетворённо кивнул.

— В таком случае компенсация будет определена в течение семи дней. Алый дом готов предоставить вам достойное содержание...

— Нет, — сказала я.

Кто-то ахнул.

Рейнар наконец посмотрел прямо на меня.

— Что значит “нет”?

Я перелистнула свиток. Не знаю, откуда знала, где искать. Наверное, тело помнило. Или Эвелина перед смертью слишком много раз перечитывала этот договор, надеясь найти в нём хоть одну лазейку.

Нашла.

Только воспользоваться не успела.

Я коснулась пальцем нужной строки.

— В случае расторжения брака по инициативе главы дома отвергнутая супруга имеет право выбрать компенсацию из имущества, не входящего в родовое ядро, — прочитала я медленно. — Деньги мне не нужны.

Летиция тихо засмеялась.

Очень красиво. Очень музыкально.

— Леди Эвелина, — мягко сказала она, — не стоит отказываться от помощи из гордости. Все понимают ваше... положение.

Моё положение?

Я посмотрела на неё.

На ожерелье на её шее.

На алые камни, которые ещё минуту назад лежали на моей коже.

— Разумеется, понимают, — ответила я. — Украшения уже отдали. Имя забрали. Место рядом с герцогом тоже занято. Остаётся только выбрать то, что вы не сможете надеть на себя прямо в этом зале.

Улыбка Летиции застыла.

Где-то у стены слуга подавился воздухом.

Рейнар сделал шаг ко мне.

— Эвелина.

В его голосе впервые появилось предупреждение.

Оно бы сработало на прежнюю хозяйку тела.

На меня — нет.

Я слишком много лет слушала хамство в очередях, угрозы пьяных пациентов, требования родственников и отчёты заведующей. Мужчина с красивыми скулами и драконьей родословной был, конечно, впечатляющим, но не настолько, чтобы я забыла дышать.

— Я выбираю землю, — сказала я.

Старик в мантии нахмурился.

— Какую именно?

На стене за его спиной висела карта.

Большая. Под стеклом. Империя Велария раскинулась на ней золотыми провинциями, красными границами драконьих домов, серебряными реками.

А на востоке чернело пятно.

Не нарисованный лес. Нет.

Именно пятно.

Будто кто-то пролил на карту живые чернила, и они расплзлись корнями по пергаменту.

Когда я посмотрела на него, в висках вдруг заболело.

Не сильно. Как перед мигренью. Пульсирующе.

Тук.

Тук.

Тук.

Словно где-то очень далеко билось огромное сердце.

Я подняла руку и указала на чёрное пятно.

— Это.

Старик побледнел.

В зале сразу зашептались.

— Она сошла с ума.

— Глухолесье?

— Туда не входят даже охотники.

— Оно мёртвое.

— Нет, не мёртвое. Хуже.

Рейнар смотрел на меня так, будто впервые увидел.

— Ты не понимаешь, о чём просишь.

— Возможно, — сказала я честно.

Потому что действительно не понимала.

Но я понимала другое: если все эти люди так боятся этого места, значит, там у меня будет хотя бы шанс. Здесь — не будет.

Здесь меня уже раздели до достоинства и выставили на обозрение.

Летиция сделала шаг вперёд.

— Милорд, нельзя позволить ей...

И тут я услышала.

Не ушами.

Кожей.

Где-то глубоко, под каменным полом, под дворцом, под всей этой алой роскошью, что-то шевельнулось. Далёкое. Старое. Больное.

И позвало меня.

Не словами.

Болью.

Такой знакомой, что я едва не согнулась.

Я знала эту боль. Не эту конкретную — другую. Человеческую. Боль запущенной болезни, которую слишком долго не лечили. Боль тела, которое кричит, а его называют проклятым, слабым, бесполезным.

Мёртвым.

Я медленно выпрямилась.

— Я выбираю Глухолесье, — повторила я громче. — Запретный предел. Со всеми землями, строениями, источниками и правами, указанными в реестре.

Старик открыл рот, но не произнёс ни слова.

Рейнар сжал челюсти.

— Ты умрёшь там за неделю.

Я посмотрела на него.

На мужчину, который только что снял с моей шеи брачное ожерелье и отдал другой.

На зал, который ждал моих слёз.

На женщину в белом, чьи пальцы уже легли на алые камни, словно на трофей.

И впервые за всё это безумное утро — или вечер? — я улыбнулась.

Не счастливо.

Не дерзко.

Спокойно.

Как врач, который увидел тяжёлый случай и понял: да, будет трудно. Но пациент ещё жив.

— Значит, милорд, — сказала я, — у вас есть целая неделя, чтобы насладиться моей ошибкой.

На карте чёрное пятно дрогнуло.

И мне показалось, что где-то далеко, среди деревьев, которых я никогда не видела, кто-то открыл глаза.

Глава 2. Дорога, с которой не возвращаются

Смеяться начали не сразу.

Сначала в зале повисла тишина — густая, вязкая, почти осязаемая. Такая бывает в кабинете, когда пациент, бодро рассказывавший “да я почти здоров”, вдруг выкладывает на стол результаты анализов, и все понимают: нет, не здоров.

Потом кто-то не выдержал.

Короткий смешок разрезал воздух.

За ним второй.

Третий.

И уже через несколько секунд герцогский зал Астерхольдов наполнился сдержанным, воспитанным, почти аристократичным весельем.

Они смеялись красиво.

Без открытых ртов, без грубости. Прикрывая губы пальцами, опуская глаза, обмениваясь взглядами. Так смеются люди, которые уверены: чужая смерть — не трагедия, если она случится достаточно далеко от их ковров.

Глухолесье.

Я всё ещё держала перо в руке и смотрела на чёрное пятно на карте.

Оно больше не двигалось.

Наверное, мне показалось.

Наверное, мозг, переживший аварию, переселение в чужое тело и публичный развод, имел полное право на пару галлюцинаций. В моей прежней практике за такие симптомы я бы направила человека к неврологу, психиатру и, на всякий случай, на МРТ.

Здесь, подозреваю, направляли к палачу или в монастырь.

— Решение принято, — глухо произнёс старик в мантии.

Он смотрел на меня уже не с презрением. С тревогой. И это было гораздо интереснее.

— Запретный предел Глухолесья, включая старую усадьбу, прилегающие земли, водные источники и хозяйственные постройки, передаётся леди Эвелине де Вальер в качестве окончательной компенсации после расторжения брака.

— Бывшей леди Астерхольд, — мягко поправила Летиция.

Так тихо, что слышали только стоящие рядом.

Я услышала.

Рейнар тоже.

Он не одёрнул её.

Разумеется.

Я медленно повернула голову к девушке в белом. Ожерелье Алого дома лежало на её шее так, будто всегда принадлежало ей. Алые камни сияли у самой ямки между ключицами. Красиво. Дорого. Чужое.

— Вы правы, — сказала я. — Бывшей.

Её улыбка стала чуть шире.

— Я рада, что вы понимаете своё положение.

— Понимаю, — кивнула я. — Когда с шеи снимают ошейник, первое время непривычно.

Смех в зале оборвался.

Летиция моргнула.

Рейнар резко шагнул ко мне, и воздух вокруг него будто нагрелся. Алые линии у висков вспыхнули ярче. Люстры над нами дрогнули, пламя свечей вытянулось вверх, как испуганные языки.

— Осторожнее, Эвелина.

Вот теперь он злился.

Странно. Когда он снимал с меня символ брака и отдавал его другой, это было достоинство рода. Когда я назвала этот символ ошейником — оскорбление.

Мужская логика, помноженная на драконью гордость. Диагноз тяжёлый, хронический.

— Я уже была осторожной, милорд, — ответила я. — Три года, если верить вашим документам. Не помогло.

Он смотрел на меня так, будто пытался найти в моём лице прежнюю Эвелину. Запуганную, бледную, молчаливую женщину, которая, наверное, не поднимала глаз без разрешения.

Я не знала, куда она делась.

Умерла? Исчезла? Отдала мне своё тело в последней отчаянной попытке спастись?

Внутри от этой мысли стало неприятно холодно.

“Прости”, — мысленно сказала я ей.

Не знаю, кому именно. Ей. Себе. Нам обеим.

Старик торопливо подвинул ко мне ещё один лист.

— Поставьте подпись о принятии земель.

Я подписала.

На этот раз рука почти не дрожала.

Перо оставило на пергаменте имя, которое теперь окончательно привязало меня к этому миру.

Эвелина де Вальер.

Нет.

Ева.

Просто Ева.

Когда бумагу унесли, зал снова ожил. Музыканты заиграли — осторожно, неуверенно, словно не знали, можно ли продолжать праздник после того, как кого-то приговорили к смерти красивой юридической формулировкой.

Можно.

Аристократы быстро доказали это: бокалы снова наполнились, дамы зашептались, мужчины отошли к вину, Летиция приняла поздравления.

Я стояла посреди зала одна.

Удивительно, как быстро человек становится невидимым, если у него больше нет титула, мужа и украшений.

Через несколько минут ко мне подошёл слуга. Молодой, бледный, с испуганными глазами.

— Госпожа... вам приказано покинуть дворец до рассвета.

— Приказано?

Он вздрогнул.

— Простите. Передано распоряжение.

Я посмотрела в сторону Рейнара.

Он стоял у окна, разговаривая с двумя мужчинами в тёмно-красных камзолах. Даже не обернулся.

Конечно.

Зачем провожать вещь, которую уже выбросил?

— Где мои вещи? — спросила я.

Слуга замялся.

И этого было достаточно.

— Понятно, — сказала я. — Их тоже передали той, кто достойна?

Он побледнел ещё сильнее.

— Госпожа...

— Не надо. Я врач, а не дура.

Слово “врач” сорвалось само.

Слуга не понял, но запомнил. По глазам увидела.

В этом мире надо быть осторожнее с такими словами.

Меня провели в боковую галерею. Узкий коридор был холоднее зала, и я наконец заметила, что меня знобит. Не от температуры — от истощения. Тело Эвелины было слабым. Слишком слабым для двадцатисемилетней женщины. Тонкие запястья, выступающие ключицы, лёгкая одышка после каждого десятка шагов.

Недоедание?

Хроническое отравление?

Анемия?

Я автоматически прижала пальцы к запястью, нащупала пульс. Частый. Неровный.

“Так, Ева Сергеевна. Пациентка — ты сама. Жалобы: попадание в другой мир, развод, социальная смерть, возможная интоксикация. Лечение: не падать. Хотя бы до выхода”.

У дверей в мои покои меня ждала Летиция.

Одна.

Без свиты, без улыбки для публики, без нежного наклона головы. Вблизи её красота стала холодной и неприятной. Как фарфоровая статуэтка, которую забыли убрать с мороза.

— Вы удивили всех сегодня, Эвелина, — сказала она.

— Старалась.

— Не советую продолжать.

Я остановилась.

— Угроза?

— Забота. — Она коснулась алых камней на шее. — Глухолесье не любит чужаков. Особенно пустышек.

Слово ударило точно. Не меня — тело. Где-то глубоко отозвалась старая боль Эвелины. Сколько раз ей это говорили? Десять? Сто? Каждый день?

Я сделала шаг ближе.

Летиция не отступила, но её пальцы сильнее сжали ожерелье.

— Послушайте меня внимательно, леди Вейр, — сказала я тихо. — Я не знаю ваших правил. Не знаю ваших интриг. Не знаю, почему вам так понадобилось украшение с чужой шеи. Но одно я знаю точно.

— И что же?

— Люди, которые слишком любят чужие вещи, обычно плохо заканчивают.

Её глаза потемнели.

На мгновение мне показалось, что за её зрачками что-то шевельнулось. Не тень даже. Глубина. Будто в белом, хрупком, идеальном теле жило нечто, смотрящее на мир из колодца.

Потом она снова улыбнулась.

— Передайте привет лесу.

— Передам, если он спросит.

Я прошла мимо.

И только когда дверь закрылась за моей спиной, позволила себе выдохнуть.

Покои Эвелины оказались почти пустыми.

Не в смысле бедными — нет. Мебель дорогая, ткани тонкие, зеркало в человеческий рост, на столике серебряная щётка, флаконы, шкатулки. Но в комнате не было жизни. Ни книг с заломленными страницами, ни записок, ни цветов, ни нелепых мелочей, которые выдают человека.

Будто здесь жила не женщина, а ожидание.

На кровати лежал небольшой дорожный сундук.

Открытый.

Внутри — два простых платья, бельё, плащ, пара туфель и потрёпанная книга без названия.

Всё.

Три года брака с драконьим герцогом оценили в сундук, который я могла поднять одной рукой.

Я села на край кровати.

И меня наконец накрыло.

Не слезами. Слезы почему-то не шли.

Накрыло тишиной.

Ещё несколько часов назад я была Евой Сергеевной. Участковым терапевтом. У меня был старый телефон с треснутым стеклом, кружка с надписью “лучший доктор”, которую подарила медсестра, неоплаченная коммуналка и пациент с одышкой, к которому я так и не успела.

А теперь я была разведённой аристократкой без магии в мире драконов, владелицей проклятого леса и, вероятно, самой идиотской самоубийцей вечера.

Я закрыла лицо руками.

— Тихо, — прошептала я себе. — Тихо. Сначала выжить. Потом истерика.

В дверь осторожно постучали.

— Войдите.

На пороге стояла женщина лет сорока в сером платье служанки. Полноватая, с усталым лицом и красными глазами. В руках она держала свёрток.

— Госпожа, я Марта. Я... раньше прислуживала вам.

Раньше.

Значит, теперь уже нет.

— И вас тоже выгнали? — спросила я.

Она опустила глаза.

— Мне велели перейти к леди Летиции.

Конечно.

— Поздравляю с повышением.

Марта вдруг всхлипнула.

— Простите, госпожа. Я не хотела. Я принесла вам вот это. Спрятала, пока не забрали.

Она протянула свёрток.

Внутри оказались шерстяные чулки, маленький нож, мешочек монет и тонкая серебряная цепочка с крошечным кулоном в форме листа.

Когда я коснулась кулона, пальцы кольнуло.

Не больно. Скорее, как слабый разряд.

— Это ваше, — сказала Марта. — Было при вас, когда вы приехали в этот дом. Леди Летиция хотела забрать, но я сказала, что потерялось.

Я сжала кулон в ладони.

— Спасибо.

Так просто.

Но Марта снова заплакала — тихо, беззвучно, будто боялась, что стены донесут.

— Не езжайте туда, госпожа. Прошу вас. Глухолесье забирает людей. Там дороги меняются. Там ночью слышны голоса умерших. Там даже птицы не поют.

— А здесь поют? — спросила я.

Она не ответила.

И это тоже было ответом.

До рассвета оставалось меньше часа.

Меня вывели через задний двор.

Не через парадные ворота, конечно. Бывших жён, как и мусор, выносили с той стороны, где меньше свидетелей.

Во дворе ждала старая карета. Не герцогская — дорожная, облупленная, с потёртыми дверцами и одним фонарём. Рядом стоял худой кучер в потрёпанной шапке и мальчишка лет пятнадцати, державший поводья.

Мальчишка смотрел на меня с жалостью.

Это было уже почти роскошью.

— До границы довезут, — сказал сопровождавший меня слуга. — Дальше дорога ваша.

— Великодушно.

Он сделал вид, что не услышал.

Я поднялась в карету сама. Сундук поставили рядом. Дверцу закрыли.

Колёса скрипнули.

Дворец Астерхольдов начал удаляться.

В окне ещё горели огни. Там продолжался праздник. Там, вероятно, пили за новый союз, за будущего наследника, за исцеление драконьей крови, за прекрасную Летицию Вейр.

За избавление от пустышки.

Я смотрела, пока дворец не исчез за поворотом.

И только тогда позволила себе сказать:

— Ну что, Эвелина. Посмотрим, кто из нас умер зря.

Дорога тянулась серой лентой между полями.

Сначала мир казался почти обычным. Холодное предрассветное небо. Голые деревья. Иней на траве. Далёкие огни деревень.

Но чем дальше мы ехали на восток, тем страннее становился воздух.

Он густел.

Звуки пропадали.

Сначала я перестала слышать птиц. Потом — ветер. Потом даже стук колёс начал казаться приглушённым, будто карета ехала не по дороге, а по толстому слою ваты.

Кучер перекрестился. Правда, знак был не христианский — он коснулся лба, губ и груди, а потом сложил пальцы в форме крыла.

Мальчишка рядом с ним шептал что-то быстрое и испуганное.

Я откинула занавеску.

На горизонте стоял лес.

Нет.

Не стоял.

Ждал.

Тёмная полоса деревьев поднималась от земли, как стена. Верхушки терялись в тумане. Между стволами не было видно ни просвета, ни тропы, ни жизни. Только чёрная, влажная глубина.

И снова — тук.

Тук.

Тук.

Боль ударила в виски.

Я зажмурилась.

— Госпожа? — испуганно спросил мальчишка снаружи.

— Всё нормально.

Ложь далась легко. Профессиональный навык.

Карета вдруг резко дёрнулась.

Лошади заржали.

Раздался треск, крик, удар — и меня швырнуло вперёд. Я больно ударилась плечом о стенку, сундук перевернулся, что-то острое царапнуло щёку.

Снаружи закричали.

Карета накренилась.

Я распахнула дверцу и едва не выпала в грязь.

Переднее колесо ушло в яму. Одна из лошадей билась в упряжи, кучер лежал на земле без движения, а мальчишка сидел рядом, прижимая ладони к бедру.

Между его пальцами текла кровь.

Много крови.

Слишком много.

Мир резко стал простым.

Понятным.

Без драконов, разводов и проклятых лесов.

Есть раненый.

Есть кровотечение.

Есть я.

Я подхватила юбки и бросилась к нему.

— Как тебя зовут?

Мальчишка смотрел на меня огромными глазами.

— Т-тимош...

— Тимош, слушай меня. Сейчас будет больно, но ты должен сидеть спокойно. Понял?

— Госпожа, там... там лес...

— Плевать на лес. Смотри на меня.

Я разорвала край нижней юбки. Ткань жалобно треснула. Рана была глубокая, рваная, но артериального фонтанирования не было. Хорошо. Очень хорошо. Вена или мягкие ткани. Кровь тёмная, течёт быстро, но шанс есть.

— Нужен жгут, — пробормотала я. — Или хотя бы давящая повязка.

— Что?

— Жить хочешь?

Он судорожно кивнул.

— Тогда молчи и дыши.

Я затянула ткань выше раны, прижала свёрнутый кусок платя к бедру и надавила всем весом.

Тимош вскрикнул.

— Молодец. Кричи, если надо. Только не отключайся.

За спиной скрипнуло дерево.

Я обернулась.

У самой дороги стояло Глухолесье.

Ближе, чем было минуту назад.

Я могла поклясться: когда карета перевернулась, до первых деревьев оставалось не меньше сотни шагов.

Теперь — десять.

Между стволами висел туман.

В тумане что-то двигалось.

Кучер застонал, приходя в себя.

Лошади вдруг замолчали.

И в этой невозможной тишине из леса донёсся шёпот.

Сухой. Многоголосый. Старый.

— Вернулась...

Я замерла, не отпуская повязку.

Тимош перестал плакать.

— Госпожа, — прошептал он, глядя мне за спину. — Оно вас знает.

Из тумана выступил человек.

Высокий, в тёмном плаще, с непокрытой головой. Чёрные волосы падали на лицо, на скуле белел старый шрам. В руке он держал длинный нож, но смотрел не на раненого мальчика и не на кучера.

На меня.

Его глаза были зелёными.

Не просто зелёными — лесными. Цвета мха после дождя, глубокой воды и листьев, под которыми что-то прячется.

— Отпусти мальчика, — сказал он.

Голос низкий. Хриплый. Непривычный к просьбам.

Я крепче прижала ткань к ране.

— Ещё чего.

Мужчина нахмурился.

— Он всё равно умрёт, если войдёт в лес с кровью.

— Тогда он не войдёт.

— Ты не понимаешь, где находишься.

Я посмотрела на его нож. Потом на лес. Потом на бледного Тимоша, который цеплялся за мою руку, как за последнюю надежду.

И вдруг поняла: страшно мне будет позже.

Сейчас некогда.

— Зато я понимаю, что если уберу руку, он истечёт кровью, — сказала я. — Так что либо помогай, либо отойди и не мешай.

Мужчина из леса замолчал.

Впервые за эту безумную ночь кто-то посмотрел на меня не как на пустышку, не как на бывшую жену и не как на обречённую дурочку.

А как на загадку.

За его спиной деревья зашевелились.

Корни медленно выползли из тумана к дороге.

И где-то в глубине Глухолесья снова забилось огромное больное сердце.

Тук.

Тук.

Тук.

Глава 3. Человек из леса

Мужчина из тумана не двигался.

Он стоял на краю дороги — высокий, мрачный, с ножом в руке, — и смотрел на меня так, словно пытался решить, кто перед ним: безумная аристократка или новая разновидность лесной заразы.

Честно говоря, я и сама не была уверена.

Под моими ладонями Тимош дрожал. Кровь медленно пропитывала ткань, горячая, липкая, настоящая. Такая настоящая, что всё остальное — дворец, развод, драконы, чужое тело — на миг отступило.

Раненый подросток. Глубокая рана бедра. Риск кровопотери. Риск шока.

Вот это я понимала.

— Мне нужна чистая ткань, крепкий алкоголь, вода и огонь, — сказала я, не отрывая рук от повязки.

Мужчина чуть прищурился.

— Алкоголь?

— Всё, что жжёт горло и можно лить на рану.

— Ты хочешь пытать мальчишку?

— Я хочу, чтобы он не умер от грязи, которую ваша чудесная дорога уже успела запихнуть ему в ногу.

Кучер, очнувшийся у перевёрнутой кареты, тихо застонал:

— Госпожа... не спорьте с ним...

— Замолчи и проверь, цела ли голова, — бросила я.

Кучер замолчал.

Мужчина неожиданно усмехнулся. Почти незаметно — только уголком губ. Но в его зелёных глазах мелькнуло что-то живое.

— Ты отдаёшь приказы на границе Глухолесья?

— Я отдаю приказы там, где кто-то истекает кровью.

Деревья за его спиной снова зашевелились.

Не от ветра.

Ветра не было.

Тонкие корни, похожие на чёрные пальцы, выползали из-под опавших листьев и тянулись к дороге. Медленно. Осторожно. Почти любопытно.

Я заставила себя не смотреть на них.

Паника потом.

Пациент сейчас.

— У него есть пять минут до потери сознания, — сказала я. — Может, десять, если повезёт. Вы будете изображать загадочного хозяина тумана или поможете?

Мужчина убрал нож.

— Держи давление.

Он двинулся к карете быстро и бесшумно. Слишком бесшумно для человека. Через несколько секунд вернулся с дорожной флягой, кожаным ремнём и свёртком грубой, но чистой ткани.

Чистой.

Я схватилась за это слово как за чудо.

— Откуда?

— У меня есть привычка не умирать от каждой царапины.

— Полезная привычка. Развивайте.

Он опустился рядом со мной на одно колено.

Теперь я увидела его ближе. Лицо у него было не просто красивым — неправильным. Не герцогская холодная красота Рейнара, отполированная властью и зеркалами. У этого мужчины красота была как у скалы, об которую разбиваются корабли: резкая, усталая, опасная.

Шрам пересекал скулу и уходил к виску. На запястьях — старые рубцы. На пальцах — следы от оружия. Плащ пах дымом, сырой землёй и хвоей.

— Имя? — спросила я.

— Моё?

— Мальчика. Ваше пока не умирает.

Он бросил на меня короткий взгляд.

— Тимош, — прошептал раненый. — Я уже говорил...

— Отлично, значит, сознание не потерял. Тимош, слушай. Сейчас будет очень больно. Я промую рану. Потом перетяну. Тебе надо дышать и не дёргаться.

— Я умру?

Вопрос был тихий.

Детский.

И ударил сильнее, чем весь смех в герцогском зале.

Я посмотрела ему в глаза.

— Не сегодня.

Не знаю, имела ли я право это обещать.

Но иногда врач обязан врать уверенно. Не потому, что смерть не придёт. А потому, что страх приходит раньше неё и часто помогает ей.

Я открыла флягу, понюхала.

Резкий запах ударил в нос.

— Подойдёт.

— Это настой волчьего корня, — сказал мужчина. — Им обычно растирают клинки.

— Сегодня он получит повышение.

Я полила жидкость на рану.

Тимош закричал.

Крик ударил в тишину Глухолесья, и лес ответил.

Сотни листьев зашептали разом.

Корни дрогнули.

Где-то в глубине тумана что-то низко завывало.

Мужчина резко повернул голову к лесу.

— Тише, — сказал он.

Я не сразу поняла, кому.

Мне?

Мальчику?

Лесу?

Деревья притихли.

Я слотнула, но руки не остановила. Промыла рану, убрала грязь, насколько могла, прижала чистую ткань, наложила давящую повязку. Ремень пошёл вверх — не полноценный жгут, скорее фиксация. Нужно было наблюдать. Нельзя перетянуть слишком надолго. Нельзя оставить так без контроля.

В этом мире вообще нельзя было ничего оставлять без контроля.

— Его надо в тепло, — сказала я. — И нормальную перевязку. Иглу, нить, кипятков.

— Иглу? — Мужчина нахмурился.

— Зашивать надо.

— Ты шьёшь людей?

— Только когда они слишком настойчиво разваливаются.

Он посмотрел на меня опять этим своим взглядом. Будто я сказала нечто неприличное и одновременно интересное.

Тимош слабо всхлипнул.

— Госпожа... вы ведь правда знахарка?

Я открыла рот, чтобы ответить: нет, я врач-терапевт из районной поликлиники, у меня специализация, сертификаты, выгорание и ипотека, а не ваши деревенские сказки.

Но вовремя закрыла.

— Что-то вроде того, — сказала я.

Мужчина поднялся.

— Нам нельзя оставаться на дороге.

— Почему?

Он посмотрел на лес.

— Потому что дороги здесь долго не остаются дорогами.

Кучер выругался.

Я обернулась — и похолодела.

За каретой, там, откуда мы приехали, больше не было тракта.

Была трава.

Мокрая, тёмная, высокая, будто росла здесь годами. Колёи исчезли. Следы колёс исчезли.

Даже отпечатки лошадиных копыт растворились, словно их слизнула земля.

Перед нами дорога ещё сохранялась.

Узкая полоска грязи, уходящая к лесу.

Только к лесу.

— Это невозможно, — сказала я.

Мужчина безрадостно усмехнулся.

— Добро пожаловать в Глухолесье.

Кучер начал молиться.

Лошади, странно притихшие, стояли как каменные. Одна дрожала всем телом, но не ржала. Словно боялась издать звук.

Я вдруг поняла, что дыхание у меня стало слишком частым.

Вдох.

Выдох.

Сейчас нельзя паниковать.

— Есть место, где можно остановиться? — спросила я.

— Старая сторожка у границы. Если она сегодня там, где должна быть.

— Прекрасно. Обожаю точные адреса.

Мужчина посмотрел на перевёрнутую карету.

— Повозка дальше не пройдёт.

— Тогда несём мальчика.

— Он оставит кровавый след.

— Я заметила. И?

— Лес любит кровь.

Это он сказал без угрозы. Просто факт.

Я посмотрела на корни, которые всё ещё тянулись к нам из тумана. Один из них коснулся края окровавленной ткани, упавшей в грязь.

Ткань почернела.

Не сгнила — именно почернела, будто кровь в ней за секунду прожила сотню лет.

Тимош заскулил.

Я быстро подняла его руку и положила себе на плечо.

— Тогда лес сегодня будет на диете.
Мужчина замер.
— Ты очень странная женщина.
— Мне уже говорили.
— Кто?
— Все, кто плохо меня знал.
Он хотел что-то ответить, но в этот момент земля под ногами дрогнула.
Не сильно.
Как грудная клетка на вдохе.
Из Глухолесья донёсся низкий, протяжный звук. Не вой. Не стон. Скорее, огромный выдох, прошедший сквозь тысячи стволов.
Мужчина побледнел.
Вот теперь мне стало по-настоящему страшно.
Потому что если человек, который спокойно выходит из проклятого леса с ножом, бледнеет — значит, ситуация действительно нехорошая.
— Быстро, — сказал он.
Он поднял Тимоша так легко, будто тот почти ничего не весил. Мальчик вскрикнул, но я тут же прижала повязку к бедру и пошла рядом, удерживая давление.
Кучер, пошатываясь, потащился следом. Сундук пришлось бросить.
Я оглянулась на него.
Там была вся моя новая жизнь.
Два платья, нож, монеты, кулон.
Странно, но именно кулон вдруг обжёг ладонь. Я забыла, что всё ещё сжимаю его.
Серебряный листок стал тёплым.
Очень тёплым.
Я разжала пальцы.
На металле проступили тонкие зелёные линии.
— Откуда это у тебя? — резко спросил мужчина.
— Подарок из сундука покойной жизни. Некогда объяснять.
— Это знак Арвенна.
Он сказал это так, будто имя было раной.
Арвенн.
В голове вспыхнуло не моё воспоминание: зелёные башни, белые мосты, вода в каменной чаше, женский смех, детские руки в земле, запах дождя и мяты.
Я споткнулась.
Мужчина успел поймать меня за локоть.
Прикосновение было коротким, крепким, тёплым.
И от него по коже прошла странная волна — не желание, не страх, не магия даже. Узнавание.
Он тоже это почувствовал.
Рука на моём локте напряглась.
— Кто ты? — спросил он тихо.
— Сегодня? — Я с трудом выпрямилась. — Разведённая женщина с плохим приданым и пациентом на руках.
— Не лги мне.
— Я бы рада, но у меня пока нет достаточно информации для качественной лжи.
Он смотрел на меня ещё секунду.
Потом отпустил.
— Идём.

Сторожка действительно оказалась у границы.

Хотя я была почти уверена, что минуту назад на её месте стояли три кривые сосны.

Низкое каменное строение с проваленной крышей, заколоченными окнами и дверью, которую держала одна ржавая петля. Но внутри было сухо. Почти тепло. В углу — старая печь. На полке — глиняный кувшин. На стене — связки высохших трав.

Я заметила их сразу.

Профессиональная деформация. В любом помещении сначала ищешь аптечку, воду и выход.

— Кладём его сюда, — сказала я, указывая на стол.

Мужчина поднял бровь.

— Это был алтарь.

— Теперь операционный стол. У него новая жизнь.

Он не стал спорить.

Мы уложили Тимоша. Я проверила повязку. Кровь всё ещё сочилась, но слабее. Пульс частый. Кожа холодная. Надо согреть.

— Огонь, — сказала я. — Вода. Чистая ткань. И если среди этих трав есть что-то против боли, несите.

Кучер рухнул на лавку, всё ещё бормоча молитвы. Мужчина молча принялся разводить огонь. Делал он это быстро, уверенно, будто сторожка принадлежала ему. Или он слишком часто выживал в местах, где ничего никому не принадлежит.

Я подошла к кувшину.

Внутри была вода.

Чистая на вид, с лёгким серебристым отблеском.

— Эту можно пить?

Мужчина обернулся слишком резко.

— Не трогай.

Поздно.

Я уже коснулась воды пальцами.

И мир остановился.

Боль.

Не моя.

Огромная, глубокая, многолетняя боль хлынула через кожу. Гниющие корни. Чёрная вода под городом. Каменные улицы, сдавленные древесными жилами. Люди, которые не умерли до конца. Сон без сна. Крик без голоса.

Я задохнулась.

Кувшин треснул в моих руках.

Вода пролилась на пол.

И там, где она коснулась камня, из серой щели пробился маленький зелёный росток.

Один.

Тонкий.

Живой.

В сторожке стало так тихо, что я услышала собственное сердце.

Мужчина медленно поднялся.

Кучер перестал молиться.

Тимош, бледный, полубессознательный, прошептал:

— Госпожа...

Я смотрела на росток и не могла пошевелиться.

Потому что он тянулся ко мне.

Как ребёнок к руке врача.

Мужчина из леса сделал шаг назад.
В его глазах впервые не было ни насмешки, ни подозрения.
Только страх.
— Этого не может быть, — сказал он.
— Сегодня я уже слышала эту фразу, — хрипло ответила я. — Она ни разу не помогла.
Он смотрел не на меня.
На серебряный кулон в моей ладони.
На зелёный росток.
На воду, которая светилась в трещинах пола.
А потом произнёс имя, от которого стены старой сторожки будто вздрогнули:
— Арвенн признал тебя.

Глава 4. Живая вода

— Арвенн признал тебя.

Мужчина сказал это так, будто произнёс не имя, а приговор.

Я смотрела на тонкий зелёный росток, пробившийся из трещины в каменном полу, и пыталась заставить мозг работать последовательно.

Первое: кувшин треснул.

Второе: вода светится.

Третье: из камня выросло растение.

Четвёртое: мужчина из леса выглядит так, словно я только что воскресила его покойную бабушку, короля и семейную тайну одновременно.

Пятое: на столе всё ещё лежит раненый мальчишка.

— Потом будете драматично шептать древние названия, — сказала я. — Сейчас мне нужна игла.

Мужчина моргнул.

— Что?

— Игла. Нить. Кипяток. Огонь уже есть. Если нет нормальной иглы, давайте любую тонкую железку. Только чистую.

— Ты поняла, что я сказал?

— Я поняла, что вы мешаете лечить пациента.

На миг мне показалось, что он рассердится. Его лицо стало жёстким, губы сжались, зелёные глаза потемнели.

Но потом он посмотрел на Тимоша.

Мальчик лежал на старом каменном алтаре, бледный до синевы. Губы дрожали. На лбу выступил холодный пот. Повязка на бедре снова темнела.

Время уходило.

Мужчина резко отвернулся, подошёл к стене и одним движением сорвал с крюка старую кожаную сумку.

— Нить есть, — сказал он. — Игла тоже. Ею шкуры шили.

— Сегодня у неё повышение.

— Ты всё повышаешь.

— Я щедрая.

Он кинул мне свёрток. Я поймала. Внутри действительно была игла — грубая, толстоватая, но острая. Нить — вощёная, крепкая. Не идеально. Очень далеко от идеально.

Но лучше, чем ничего.

— Воду кипятить, — приказала я. — Нить туда же. Иглу — в огонь, потом в кипяток.

Кучер, сидевший на лавке с лицом человека, который уже выбрал себе место на кладбище, вдруг очнулся:

— Госпожа, но это же... это же нельзя. Железо в тело...

— Можно, если выбирать между этим и смертью.

— Но кровь...

— У всех она внутри, представляете? Иногда её приходится останавливать.

Мужчина из леса коротко выдохнул. Кажется, это был смешок.

Я бросила на него взгляд.

— Вам смешно?

— Нет.

— Тогда держите мальчика.

Он подошёл к столу и положил ладони Тимошу на плечи.

— Как тебя зовут? — спросил мальчик слабым голосом.

Мужчина замер.

— Север.

Не имя.

Обрубок имени.

Но сейчас мне было не до родословных.

— Тимош, — сказала я, наклоняясь к мальчику. — Слушай меня. Я буду зашивать рану. Больно будет сильно. Но если ты начнёшь дёргаться, будет хуже. Смотри на Севера. Не на ногу. На него.

— Он страшный, — прошептал Тимош.

— Зато устойчивый. Пользуйся.

Север посмотрел на меня странно.

— Ты всегда так разговариваешь с умирающими?

— С живыми. С умирающими я разговариваю иначе.

— Как?

Я не ответила.

Потому что вспомнила.

Больничный коридор. Старик с онкологией. Женщина, которая держала мужа за руку. Молодой парень после инсульта, испуганный, злой, не понимающий, почему тело больше не слушается.

С умирающими я говорила тише.

Честнее.

Иногда просто сидела рядом.

Я мотнула головой, отгоняя воспоминания.

Не сейчас.

Вода закипела быстро. Слишком быстро. Печь будто сама раздула жар, хотя дрова были сырые и гнилые. Я заметила это краем глаза, но заставила себя не думать.

Игла раскалилась. Нить прокипятилась. Рана промыта. Края неровные, грязь частично убрана. Надо было действовать.

— Держите крепче.

Север наклонился к Тимошу.

— Смотри на меня.

— Я боюсь...

— Я тоже.

Мальчик удивлённо всхлипнул.

— Правда?

— Правда, — сказал Север. — Но это не причина умирать.

Я сделала первый стежок.

Тимош закричал.

Крик ударил по стенам, поднялся к проваленной крыше и будто застрял там, среди чёрных балок. Снаружи Глухолесье ответило шорохом. По двери пробежала тень. На мгновение мне показалось, что в щели между досками смотрит чей-то глаз.

Не человеческий.

Север резко повернул голову.

— Не смей, — сказал он в темноту.

Я не стала уточнять, кому.

Второй стежок.

Третий.

Руки работали сами. Не идеально — игла была неудобной, свет дрожал, тело Эвелины слабело, пальцы мерзли. Но навык оставался навыком. Пусть я не хирург. Пусть я терапевт, привыкший к давлению, бронхитам и хроническим жалобам. Но базовую обработку раны я знала. Зашивать приходилось редко, но приходилось.

Главное — остановить кровотечение.

Главное — снизить риск инфекции.

Главное — выиграть время.

— Дыши, Тимош, — говорила я. — Молодец. Ещё немного. Ты сильный. Смотри на Севера. Не закрывай глаза. Слышишь меня?

— Слышу...

— Что ел утром?

— Хлеб...

— С чем?

— С луком...

— Ужасный выбор. Выживешь — потребую нормальный завтрак.

Он попытался улыбнуться и почти сразу застонал.

Последний стежок дался тяжелее всего. Рана стянулась грубо, некрасиво, но кровь почти перестала идти. Я наложила чистую повязку, закрепила ткань и только тогда позволила себе отступить.

Комната качнулась.

Я упёрлась рукой в стол.

Север успел подхватить меня за плечо.

— Сядь.

— Не командуйте мной.

— Ты сейчас упадёшь.

— Тогда командуйте ближе к полу.

Он не стал спорить. Просто взял меня за локоть и усадил на лавку. Движение было аккуратным, почти бережным. От этого почему-то стало хуже. Грубость я бы выдержала легче.

— Ему нужно тепло, питьё и наблюдение, — сказала я, заставляя себя говорить чётко. — Если начнётся жар, бред, краснота вокруг раны, гной, озноб — плохо. Очень плохо.

— Ты говоришь как лекарь.

— Я и есть лекарь.

Север сел напротив.

Огонь бросал на его лицо рыжие отблески. Шрам на скуле казался глубже. В зелёных глазах больше не было насмешки. Только напряжённое внимание.

— Ты не похожа на лекаря Веларии.

— Я не из Веларии.

Слова вырвались раньше, чем я успела их остановить.

Кучер поднял голову.

Север не пошевелился.

— Откуда?

Я посмотрела на свои руки. Тонкие, бледные, с чужими пальцами. На ногтях засохла кровь Тимоша. На ладони серебряный кулон всё ещё светился тонкими зелёными прожилками.

Можно было солгать.

Сказать: из дальнего монастыря. Из старой школы знахарей. Из забытого рода.

Но я сама не знала правил этого мира. Любая ложь могла оказаться глупой.

— Издалека, — сказала я.

— Из какого королевства?

— Из того, где мужчины не снимают с жён ожерелья посреди бала.

Север чуть склонил голову.

— Значит, из сказочного.

— Скорее из уставшего.

Тимош тихо застонал.

Я тут же поднялась. Голова закружилась, но я дошла до стола. Лоб мальчика был горячим. Слишком быстро. Стресс? Кровопотеря? Начинающаяся лихорадка? Или что-то местное, магическое, лесное?

— Вода, — сказала я.

Кучер испуганно указал на треснувший кувшин.

— Госпожа, она же...

— Обычная вода есть?

Север молчал.

И этого молчания хватило.

— Что? — спросила я.

Он медленно подошёл к полке, снял маленькую флягу из тёмного стекла и поставил передо мной.

— Это не для людей.

— А для кого?

— Для тех, кого лес ещё не решил забрать.

Я закрыла глаза на секунду.

— Север, я очень ценю местную поэзию, но у меня пациент с жаром.

— Это вода из старого источника Арвенна, — сказал он. — Живая вода. В малой дозе она может поднять умирающего. В большой — сожжёт изнутри. Если человек чужой лесу, она может убить сразу.

Я посмотрела на Тимоша.

На его белое лицо.

На дрожащие ресницы.

На повязку, которая, к счастью, больше не алела.

— Какая малая доза?

— Капля.

— Серьёзно?

— Очень.

Я взяла флягу.

Стекло было тёплым. Внутри плескалась жидкость, светящаяся едва-едва, как луна за облаками.

Врач во мне возмущался.

Неизвестное вещество. Неизвестная концентрация. Неизвестный механизм действия. Нет клинических испытаний. Нет анамнеза. Нет даже нормального диагноза.

Но мальчик умирал не в кабинете с лабораторией.

Он умирал в проклятой сторожке на границе живого леса.

И всё, что у меня было, — капля невозможной воды.

— Если ему станет хуже, — сказала я, — я буду вас ненавидеть.

— Почему меня?

— Вы ближе всех.

Я открыла флягу.

Капля упала Тимошу на губы.

Сначала ничего не произошло.

Потом мальчик выгнулся дугой.

Кучер вскрикнул. Север схватил меня за плечо, пытаясь оттащить, но я вырвалась и прижала ладонь к груди Тимоша.

— Нет. Дыши. Дыши, слышишь?

Кожа мальчика стала горячей, почти обжигающей. Под тонкой рубахой сердце билось быстро-быстро, сбиваясь, как птица в клетке.

— Ему плохо! — крикнул кучер.

— Я вижу!

И вдруг я увидела больше.

Не глазами.

Где-то внутри мальчика, под кожей, под кровью, под болью, тянулась тонкая чёрная нить. Она начиналась от раны и ползла выше, к животу, груди, сердцу.

Инфекция?

Нет.

Что-то другое.

Грязь дороги.

Кровь, которую почувствовал лес.

Чёрная нить шевельнулась, как червь.

Меня затошнило.

— Что это? — прошептала я.

Север побледнел.

— Лесная гниль.

— Она уже в нём?

— Да.

— Почему не сказал раньше?

— Потому что от неё не лечат.

Внутри меня поднялась злость.

Чистая. Яркая. Очень полезная.

— Это у вас не лечат.

Я схватила ладонь Тимоша. Второй рукой коснулась его раны поверх повязки.

Боль ударила в пальцы.

Не физическая. Иная. Холодная, липкая, ползучая. Как если бы сама болезнь попыталась впиться в меня.

Я стиснула зубы.

Перед глазами вспыхнули корни. Тёмные сосуды под землёй. Застой. Гниение. Очаг. Распространение.

Лес был телом.

А это — заражение.

— Найти очаг, — прошептала я. — Остановить распространение. Дренаж. Очистка. Восстановление.

— Что ты делаешь? — голос Севера стал резким.

— Ставлю диагноз.

Чёрная нить в теле Тимоша дёрнулась.

Я не знала заклинаний. Не знала молитв. Не знала, как управлять магией, если это была магия.

Но я знала другое.

Болезнь нельзя победить, если бояться её назвать.

— Это не проклятие, — сказала я. — Это заражение.

Кулон в моей ладони вспыхнул.

Зелёный свет разлился по пальцам, тонкими линиями ушёл под кожу. Вода, пролитая на пол, дрогнула. Маленький росток у трещины вытянулся выше, распустил два крошечных листа.

Тимош резко вдохнул.

Чёрная нить под его кожей начала отступать.

Не исчезать. Отступать к ране, словно её вытягивали назад.

Повязка почернела.

Из-под ткани пошёл горький запах гнили.

Кучер зажал рот рукой.

Север смотрел на меня так, будто видел не женщину, а невозможность.

Я держала ладонь на ране и чувствовала, как что-то тянет из меня силы. Не кровь. Не жизнь. Тепло.

Много тепла.

Слишком много.

— Ева, — сказал Север.

Я вздрогнула.

Он назвал меня не Эвелиной.

Я не говорила ему этого имени.

— Отпусти, — приказал он. — Сейчас.

— Ещё немного...

— Отпусти!

Он схватил меня за запястье и оторвал руку от повязки.

Мир погас.

Не полностью.

Но серые пятна поплыли перед глазами, колени подломились, и если бы Север не удержал меня, я рухнула бы на пол.

Тимош закашлялся.

Потом открыл глаза.

Не мутные. Не бредовые.

Живые.

— Госпожа? — прошептал он.

Кучер заплакал.

Громко, некрасиво, по-настоящему.

— Живой... Матерь крыла, живой...

Я хотела сказать что-нибудь умное. Например, что радоваться рано, нужно наблюдать за температурой, менять повязку, не давать вставать, поить малыми глотками.

Вместо этого сказала:

— Нормальный завтрак всё ещё обязателен.

Тимош слабо улыбнулся.

И отключился.

Но теперь это был сон.

Не смерть.

Я знала разницу.

Север усадил меня обратно на лавку, не отпуская запястья. Его пальцы были горячими. Слишком горячими. Или это я стала ледяной.

— Кто ты? — спросил он.

Усталость накрывала меня волнами.

— Вы уже спрашивали.

— Тогда ответь.

— Ева.

— Это имя не принадлежит Эвелине де Вальер.
Я замерла.
За стеной сторожки лес зашептал.
Тихо-тихо.
Словно повторял.
Ева.
Ева.
Ева.
Север медленно отпустил мою руку.
— Так я и думал, — сказал он.
— Что именно?
Он не успел ответить.
Снаружи раздался стук копыт.
Один удар.
Второй.
Третий.
К сторожке приближался всадник.
Север мгновенно встал, рука легла на нож. Кучер всхлипнул и съехал под лавку. Я поднялась тоже, хотя ноги предательски дрожали.
Дверь распахнулась.
На пороге стоял старик в мокром плаще, с седой бородой и тяжёлым посохом. Его лицо было изборождено морщинами, глаза — маленькие, тёмные, цепкие.
Он окинул взглядом сторожку.
Раненого мальчика.
Святящуюся воду.
Росток в камне.
Севера.
Меня.
И вдруг медленно опустился на одно колено.
— Не пустышка ты, госпожа, — хрипло сказал он. — Ох, не пустышка.
Я вцепилась пальцами в край стола.
— А вы кто?
Старик поднял голову.
— Матвей. Последний управляющий Глухолесья.
Он посмотрел на росток в полу, и в его глазах появился страх, перемешанный с надеждой.
— Я ждал хозяйку двадцать лет. Только думал, придёт с мечом или короной.
Он перевёл взгляд на мои окровавленные руки.
— А ты пришла с бинтами.

Глава 5. Последний управляющий

Матвей стоял на одном колене, а я смотрела на него и думала, что за последние сутки моя способность удивляться заметно износилась.

Публичный развод — было.

Драконий герцог — было.

Живой лес, стирающий дороги, — было.

Раненый мальчишка с лесной гнилью — было.

Мужчина из тумана, который знал моё настоящее имя, — тоже было.

Теперь старик в мокром плаще объявил себя последним управляющим проклятой земли и сообщил, что ждал меня двадцать лет.

В обычной жизни после такого я бы попросила пациента уточнить, не принимает ли он что-нибудь кроме назначенного.

Здесь я только устало выдохнула.

— Встаньте, Матвей. Я не люблю, когда передо мной стоят на коленях.

Старик поднял глаза.

— Хозяйке Глухолесья положено кланяться.

— А врачу положено мыть руки перед перевязкой. Как видите, у всех нас сложный вечер. Север, стоявший у двери, коротко усмехнулся.

Матвей медленно поднялся. Двигался он тяжело, будто каждое движение отдавалось болью в суставах. Плащ с него стекал на пол грязной водой. Лицо было обветренным, жёстким, но глаза — внимательными. Не придворными. Не оценивающими платье, титул и пользу.

Он смотрел так, как смотрят люди, привыкшие выживать: сразу на руки, на дыхание, на раны, на слабость.

— Мальчишка жив? — спросил он.

— Пока да, — ответила я. — Но ему нужен покой, чистая вода, смена повязки, тепло и нормальная еда. А ещё мне нужно понять, что такое лесная гниль и почему все вокруг считают смерть приемлемым вариантом лечения.

Матвей перекрестился местным знаком крыла.

— От гнили не лечат.

— Уже слышала. Очень плохая традиция.

Он посмотрел на Тимоша, потом на почерневшую повязку, потом на росток в каменном полу.

— Значит, теперь лечат.

Эти слова повисли в сторожке тише шёпота и тяжелее приговора.

Снаружи Глухолесье молчало.

Но это молчание не было пустым. За стенами старой сторожки стояли деревья, туман, корни и что-то огромное, болезненное, терпеливое. Я чувствовала его так же, как чувствуют чужой взгляд в спину.

— Вы сказали, ждали хозяйку двадцать лет, — напомнила я. — Объясните.

Матвей снял мокрый плащ и повесил на крюк. Под ним оказалась старая кожаная безрукавка, рубаха, перевязанная у горла шнуром, и связка ключей на поясе. Ключей было много. Ржавых, медных, чёрных, больших и совсем маленьких.

— Не здесь, — сказал он. — Сторожка долго не удержит границу. Лес уже проснулся.

— А до этого спал?

— Дремал, — ответил Север.

Я повернулась к нему.

— Вы двое знакомы?

Матвей хмыкнул.

— В Глухолесье все живые друг друга знают. Их мало.

Север не ответил. Он стоял у двери, чуть отвернувшись, и прислушивался к чему-то снаружи. Плечи напряжены, рука у ножа. У человека была привычка ждать удара даже от воздуха.

Интересно, от кого он прятался?

И почему лес его терпел?

— Госпожа, — осторожно позвал кучер из-под лавки.

Я совсем забыла про него.

Он выбрался наружу, бледный, перепачканный, с шишкой на лбу. На вид — сотрясение под вопросом, ушибы точно, психическая травма гарантированно.

— Мне бы... можно мне обратно? — спросил он жалобно. — Я довёз до границы. Как велено. Я не входил. Я ничего не видел.

Матвей посмотрел на него так, что кучер тут же пожалел о просьбе.

— Назад дороги нет.

— Как нет?

Север открыл дверь.

За ней не было тракта.

Не было поля, по которому мы приехали. Не было даже перевёрнутой кареты.

За порогом стоял лес.

Вплотную.

Стволы поднялись там, где ещё недавно была дорога. Чёрные, влажные, тесные, с корой, похожей на старую кожу. Между ними плыл серый туман. И в этом тумане что-то тихо шевелилось.

Кучер издал тонкий звук и сел обратно на пол.

Я тоже почувствовала, как холод пробежал по позвоночнику.

— Он передвинулся, — сказала я.

Матвей покачал головой.

— Нет. Это мы теперь внутри.

— Мы не входили.

— Для Глухолесья это неважно.

Очень хотелось сесть рядом с кучером и тоже тихо издать тонкий звук.

Вместо этого я подошла к Тимошу. Проверила лоб. Жар снизился, но слабость сильная. Пульс частый, но уже ровнее. Повязку надо менять. Переносить его опасно, но оставаться здесь, судя по лицам мужчин, ещё опаснее.

— Куда идти? — спросила я.

— В усадьбу, — ответил Матвей. — Если она примет.

— Усадьба ещё и выбирает гостей?

— В Глухолесье всё выбирает.

— Замечательно. Даже недвижимость с характером.

Север подошёл к Тимошу.

— Я понесу.

— Осторожно с ногой. Не трясги. И если он начнёт приходить в себя, не давать вставать.

— Я умею носить раненых.

— А я умею ругаться, если их носят неправильно.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Верю.

Матвей собрал со стены связки трав, сунул в сумку несколько тряпок и старую металлическую коробку. Я успела заметить внутри крючки, ножницы, пузырьки, иглы. Примитивно. Грязновато. Но уже что-то.

— Это лекарское? — спросила я.

— Было.

— Теперь будет снова.

Старик кивнул так, будто я не просто забрала коробку, а подписала военный союз.

Перед выходом я задержалась у ростка в полу.

Он был крошечный. Два листа, тонкий стебель, зелёное свечение по краям. Вокруг него камень потрескался, будто под ним билось маленькое сердце.

Я присела на корточки.

— Это из-за меня?

— Да, — сказал Север.

— Это плохо?

Он помолчал.

— Это невозможно.

— Я уже говорила, эта фраза у вас тут вместо диагноза.

Матвей подошёл ближе.

— За двадцать лет здесь ничего не росло. Даже плесень умирала. А ты пролила воду, и камень пустил лист.

Я коснулась пола рядом с ростком.

Сразу почувствовала боль.

Глухую, глубокую, как у человека с застарелым воспалением, который привык терпеть и уже не помнит, как бывает без боли.

Но рядом с ростком боль была слабее.

Там словно появилось дыхание.

— Лес болен, — сказала я.

Матвей резко втянул воздух.

Север застыл.

— Что? — спросила я.

— Так говорили только хранители Арвенна, — глухо произнёс старик. — Остальные говорили: проклят. Голоден. Зол. Мёртв.

— Болен не значит безопасен, — ответила я. — Больные тоже могут убить, если бредят, горят в лихорадке или их слишком долго не лечили.

Снаружи по стене сторожки прошёл шорох.

Тихий. Почти ласковый.

Будто кто-то провёл ладонью по камню.

Мы вышли.

Глухолесье приняло нас без звука.

Воздух был влажным и холодным. Пахло землёй, гнилыми листьями, грибами и чем-то сладковатым — неприятным, как запах больничной палаты, где давно не открывали окно. Под ногами пружинил мох. Ветви над головой переплетались так плотно, что небо исчезло.

Север шёл первым с Тимошем на руках. Матвей рядом, держа посох перед собой. Кучер плёлся позади, бормоча молитвы. Я шла посередине и старалась запоминать дорогу.

Бесполезно.

Стоило оглянуться — тропа исчезала.

Деревья переставлялись.

Нет, не так. Я не видела движения. Просто ещё мгновение назад между двумя стволами был проход, а теперь там сплошная стена коры.

— Оно не хочет, чтобы мы вышли, — прошептал кучер.

— Оно хочет понять, кто пришёл, — сказал Матвей.

— И как оно обычно понимает? — спросила я.

Старик не ответил.

Что тоже было ответом.

Мы прошли, наверное, минут десять. Или час. В Глухолесье время вело себя странно: то растягивалось, то сжималось. Несколько раз мне казалось, что мы уже проходили мимо одного и того же дерева — высокого, раздвоенного, с чёрным дуплом на уровне человеческой груди.

На третий раз из дупла раздался детский смех.

Кучер вскрикнул.

Север остановился.

— Не отвечать, — тихо сказал он.

— Я и не собиралась.

Детский смех повторился.

— Мамочка...

Я замерла.

Голос был тонкий, слабый, жалобный. И до ужаса похожий на те голоса, которые я слишком часто слышала на вызовах: дети с температурой, дети с болью, дети, которые не понимают, почему взрослые не могут сразу всё исправить.

— Ма-а-амочка...

Пальцы сами сжались.

Матвей резко схватил меня за рукав.

— Не ходи.

— Там ребёнок.

— Там память.

— Откуда вы знаете?

Север обернулся.

— Потому что живых детей в этой части леса нет.

Голос из дупла всхлипнул.

— Больно...

Я закрыла глаза.

Нечестно.

Это было нечестно.

Лес бил не страхом. Не чудовищами. Не кровью.

Он бил по самому больному месту.

По привычке идти туда, где зовут.

— Ева, — сказал Север.

Снова это имя.

Я открыла глаза.

Он смотрел на меня внимательно, жёстко, почти сердито.

— Если пойдёшь на голос, лес заберёт тебя в воспоминание. Оттуда не возвращаются.

— А если это не воспоминание?

— Тогда я ошибся, и мы все умрём позже.

— Утешили.

Детский голос стих.

Вместо него из дупла донёсся другой.

Женский.

Уставший.

Родной.

— Ева Сергеевна... вы приедете? Мне плохо...

Я перестала дышать.

Не потому, что стало страшно.

Потому что я узнала.
Тот самый вызов.
Пожилой пациент на окраине. Адрес, до которого я не доехала. Только голос был не мужской. Смешанный, сломанный, собранный из моей вины.
— Вы обещали, доктор...
Мир вокруг поплыл.
Север шагнул ко мне.
— Не слушай.
— Я не успела, — прошептала я.
— Что?
— Я не успела к нему.
Дупло потемнело. Внутри, в глубине, будто зажётся тусклый свет подъезда. Старый лифт. Обшарпанные стены. Телефон в руке. Адрес на экране.
— Доктор... я жду...
Я сделала шаг.
Неосознанно.
Север поставил Тимоша на руки Матвею так быстро, что я не успела понять движение, и схватил меня за плечи.
— Это не твой мир.
— Он умер из-за меня.
— Ты не знаешь.
— Я ехала к нему.
— Ты умерла по дороге.
Слова ударили сильнее пощёчины.
Я застыла.
Север держал меня крепко, но не больно.
— Лес берёт вину, — сказал он тихо. — Тянет за неё, как за поводок. У каждого есть такая.
Я смотрела в дупло.
Голос больше не звал.
Теперь там была только темнота.
И в этой темноте что-то ждало, очень терпеливо.
— Как с этим бороться? — спросила я.
— Не отдавать ему то, что болит.
— Плохой совет. Боль не спрашивает разрешения.
— Тогда идти рядом с тем, кто удержит.
Я медленно перевела взгляд на его руки на моих плечах.
Он заметил и отпустил.
Слишком резко.
— Идём, — сказал он.
Мы пошли дальше.
Но теперь лес изменился.
Он будто понял что-то обо мне. Листья больше не просто шептались. Они переговаривались. Иногда в шуме ветвей мне слышалось моё имя. Иногда — Эвелина. Иногда — совсем чужое слово, от которого кулон на груди теплел.
Арвенн.
К усадьбе мы вышли внезапно.
Ещё шаг назад был лес. Следующий — и деревья расступились.
Перед нами стоял дом.

Нет, не дом.

Когда-то это, наверное, было небольшое поместье: два этажа, башенка, широкое крыльцо, флигель, заросший сад. Теперь усадьба выглядела так, словно лес сначала пытался её задушить, потом передумал и начал поддерживать.

Корни обвивали стены. Ветви держали проваленную крышу. Окна были тёмными, но целыми. Над дверью висел герб, почти скрытый мхом: лист, чаша и корона.

— Дом хранителей, — сказал Матвей.

В его голосе дрогнуло что-то похожее на благоговение.

— Здесь жили те, кто служил источнику. До падения Арвенна.

Север молчал.

Я посмотрела на него. Его лицо стало закрытым, каменным. Но пальцы на рукояти ножа побелели.

— Ты здесь бывал? — спросила я.

— Давно.

— Хорошее “давно” или плохое?

— В Глухолесье хорошего давно не бывает.

Крыльцо скрипнуло само.

Дверь медленно открылась.

Кучер издал уже знакомый тонкий звук.

Я была с ним солидарна.

Из дома пахнуло пылью, холодом и водой.

Не гнилью.

Водой.

Чистой.

Где-то внутри усадьбы что-то тихо капало.

Кап.

Кап.

Кап.

Серебряный кулон на моей груди стал горячим.

Матвей опустил голову.

— Хозяйка должна войти первой.

— Конечно, — пробормотала я. — Потому что все разумные люди пропускают врача вперёд в подозрительные дома.

Я поднялась на первую ступень.

Доска под ногой застонала, но выдержала.

Вторая.

Третья.

У самого порога я остановилась. В темноте прихожей что-то шевельнулось. Не человек. Не зверь. Тень, сложенная из листьев и пыли.

Она вытянулась вверх.

Почти человеческая фигура.

Без лица.

Но я почему-то почувствовала, что она смотрит на меня.

Матвей за спиной прошептал:

— Страж дома.

Тень склонила голову.

И вдруг из темноты раздался женский голос.

Старый. Тихий. Такой усталый, будто ждал слишком долго.

— Назови себя.

Север напрягся.

Матвей перестал дышать.

Кучер спрятался за посохом Матвея.

Я посмотрела на тень.

Можно было сказать “Эвелина де Вальер”. Это имя значилось в документах. Оно дало мне право на Глухолесье.

Можно было сказать “леди Астерхольд”. Но это имя с меня сняли вместе с ожерельем.

Можно было сказать “хозяйка”. Но я ещё не знала, хочу ли быть хозяйкой того, что умеет говорить голосами моей вины.

Поэтому я сказала правду.

— Ева.

Тень дрогнула.

Дом вздохнул.

Где-то глубоко под полом забилась вода — сначала тихо, потом сильнее, будто просыпался источник.

Дверь распахнулась шире.

И голос произнёс:

— Наконец-то.

Глава 6. Дом, который помнил

Дом сказал:

— Наконец-то.

И я, человек с высшим медицинским образованием, стажем в поликлинике и стойкой привычкой не верить в мистику до последнего, сделала самое разумное из возможного.

Отступила на шаг.

— Нет, — сказала я. — Сначала объясните.

Тень в прихожей замерла.

Север тихо хмыкнул за моей спиной.

— Ты торгуешься с домом?

— Я не вхожу в помещения, которые сами открывают двери и знают моё имя.

— Но в проклятый лес вошла.

— Меня занесло обстоятельствами.

— Очень точная формулировка для безумия.

Я бросила на него взгляд через плечо.

— У вас есть лучше?

— Нет.

— Тогда не мешайте.

Матвей стоял ниже на ступенях, с Тимошем на руках, и выглядел так, будто одновременно хотел перекреститься, поклониться и поторопить меня пинком. Но воспитание, возраст и страх перед “хозяйкой” удерживали его от последнего.

— Госпожа, — хрипло сказал он, — если дом открыл дверь, надо входить. Он редко даёт второй шанс.

— А если он нас съест?

— Тогда хотя бы в тепле.

Кучер за его спиной жалобно всхлипнул.

Тень в прихожей снова шевельнулась. Листья, пыль и темнота сложились в подобие женской фигуры. Лица не было, но я отчётливо чувствовала взгляд.

— Назвавшая себя Евой, войди, — произнёс голос. — Раненый истекает силой. Северин держит гнев. Старый ключник держит страх. Чужой возница держит только мочевого пузырь.

Кучер икнул.

Север напрягся.

А я медленно повернула голову к нему.

— Северин?

Он посмотрел на тень так, будто хотел перерезать ей горло, но не знал, где оно.

— Дом старый. Старые дома любят говорить лишнее.

— Так значит, Север — это сокращение?

— Сейчас не время.

— Конечно. У нас же всего лишь говорящий дом, раненый ребёнок и лес, который заманивает голосами умерших. Когда ещё обсуждать имена?

Тень будто вздохнула.

— Врач спорит, когда боится.

Я застыла.

— Что вы сказали?

— Врач спорит, когда боится, — повторил дом. — Врач злится, когда не может спасти.

Врач молчит, когда уже знает, что поздно.

У меня пересохло во рту.

Север сделал шаг ближе.

— Ева?

Я не ответила.

Потому что дом не просто говорил. Он попадал точно туда, куда я сама старалась не смотреть.

В ту часть меня, где всё ещё мигал экран телефона с адресом вызова. Где визжали тормоза. Где последняя мысль была не о себе, а о пациенте, к которому я не успела.

Я сжала кулон на груди.

— Если вы действительно что-то знаете обо мне, — сказала я тени, — то знаете и другое.

Я не оставляю раненого на крыльце.

Тень отступила в глубину прихожей.

— Тогда входи.

На этот раз я вошла.

Порог оказался тёплым.

Не просто не холодным — именно тёплым, будто под старым деревом билась живая кровь. Половицы под ногами тихо скрипнули. Не угрожающе. Скорее приветственно.

Внутри дом был больше, чем снаружи.

Это стало понятно почти сразу.

Прихожая уходила в высокий холл с тёмной лестницей, галереями, дверями, которых не могло быть столько в небольшом поместье. Стены покрывали потускневшие фрески: зелёные башни, белые мосты, люди с чашами в руках, деревья, сплетённые кронами в корону.

В центре холла стоял сухой фонтан.

Каменная чаша была треснувшей, но на её дне серебрилась влага.

Кап.

Кап.

Кап.

Каждый звук отдавался где-то у меня под рёбрами.

— Сюда, — сказал Матвей. — В старую лечебню.

— Здесь есть лечебня?

— Было всё. До падения.

Он прошёл вперёд, и связка ключей на его поясе тихо зазвенела. Дом отвечал ему скрипом, шелестом, едва заметным движением дверей. Одна открылась сама.

За ней оказалась комната с длинными столами, шкафами, каменной раковиной и узкими окнами, затянутыми корнями. На полках стояли склянки, коробки, свёртки трав. Большая часть покрыта пылью, некоторые сосуды треснули, но порядок угадывался сразу.

Лечебня.

Настоящая.

Не больница, конечно. Не процедурный кабинет. Но для этого мира — почти чудо.

— Тимоша на стол, — сказала я.

Северин — теперь я не могла думать о нём иначе — аккуратно уложил мальчика. Тот не проснулся, но застонал, когда повреждённая нога коснулась поверхности.

Я тут же проверила повязку.

Кровотечение остановилось. Температура была повышенной, но уже не такой страшной. Лесная гниль отступила — или спряталась. Плохо, что я не знала, как она ведёт себя дальше.

— Нужна чистая вода, — сказала я. — Не живая. Обычная. Кипяток. Чистые полотна. Свет. И что-нибудь съедобное для него, когда проснётся. Бульон идеально. Хотя после всего, что я видела, боюсь спрашивать, водятся ли у вас нормальные куры.

— Куры пока не разговаривают, — сказал Матвей.

— Уже хорошо.

Дом зашуршал.

В каменной раковине вдруг булькнула вода.

Кучер вскрикнул и попятился.

Я подошла осторожно, коснулась струи пальцами. Холодная. Прозрачная. Без запаха. На вид — обычная.

— Кипятить всё равно будем, — сказала я.

Где-то в стенах тихо скрипнуло. Очень похоже на недовольство.

— Не обижайтесь, — сказала я дому. — Санитарные нормы выше чувств.

Северин всё-таки улыбнулся.

Совсем чуть-чуть.

И эта улыбка неожиданно изменила его лицо. На секунду в нём стало меньше мрака и больше человека. Усталого, настороженного, но живого.

Я заметила.

Он заметил, что я заметила.

Улыбка исчезла.

— Матвей, — сказал он резко. — Периметр?

— Дом держит.

— Дом двадцать лет никого не держал.

— Сегодня держит.

— Сегодня он впустил чужую женщину с знаком Арвенна.

— Не называй хозяйку чужой.

Северин резко обернулся.

— Она чужая.

В комнате похолодало.

Даже вода в раковине будто стала течь тише.

Я медленно подняла голову.

— Не спорю. Я действительно здесь чужая.

Матвей виновато посмотрел на меня, но я подняла руку, останавливая.

— Чужая — не значит враг. Иногда чужой врач лучше местного палача.

Северин смотрел на меня тяжело.

— Ты не понимаешь, что значит знак на твоей груди.

— Тогда объясни.

— Не сейчас.

— Вы все в этом мире проходили один и тот же курс? “Как говорить загадками и раздражать окружающих”?

Матвей кашлянул.

Кучер из угла тихо сказал:

— Госпожа, мне кажется, они от рождения такие.

Я посмотрела на него с уважением.

— Видите? Черепно-мозговая травма, а мыслит ясно.

Кучер не понял, хвалят его или пугают, и снова замолчал.

Я занялась Тимошем.

Смыла кровь вокруг раны. Проверила швы. Снова наложила повязку — уже лучше, ровнее, чище. Дом, словно решив, что санитарные нормы всё же имеют право на существование, открыл в стене маленький шкафчик. Внутри лежали белые полотна, высушенные травы и тонкие металлические инструменты.

Я взяла один.

Похож на пинцет.

Старый, но почти чистый.

— Вот теперь мы начинаем цивилизованно разговаривать, — пробормотала я.

На дне шкафчика лежала тонкая стеклянная пластина. Когда я коснулась её, по поверхности пробежали зелёные линии. Они сложились в рисунок человеческого тела — схематичный, странный, но узнаваемый. Сосуды. Сердце. Лёгкие. А рядом — другой рисунок: дерево с корнями, повторяющими те же линии.

Я перестала дышать.

Человек и дерево.

Один принцип.

Разные тела.

— Хранительская таблица, — тихо сказал Матвей. — Таких больше не осталось.

— Это медицинский атлас, — прошептала я.

— Что?

— Ничего.

Я провела пальцем по зелёным линиям. В груди что-то откликнулось. Не магия — или я просто упрямно называла её иначе. Скорее понимание, внезапное и глубокое.

Лес болел не как место.

Как организм.

Если корни — сосуды, источники — сердце, дороги — нервы, то гниль была инфекцией.

А поглощение земель — не нападением.

Лихорадкой.

Глухолесье росло, потому что пытались вытолкнуть болезнь наружу.

И заодно пожирало всё вокруг.

— Ева, — сказал Северин.

Я вздрогнула.

— Ты опять назвал меня этим именем.

— Дом назвал первым.

— Нет. В сторожке ты сказал раньше.

Он замолчал.

Вот теперь в комнате стало по-настоящему тихо.

Матвей опустил глаза.

Старый дом чуть слышно закрипел.

— Откуда ты знаешь? — спросила я.

Северин не ответил сразу. Он подошёл к окну, за которым корни закрывали стекло, и коснулся пальцами чёрной древесины.

— Когда Арвенн пал, — сказал он наконец, — хранители оставили пророчество.

— Я уже не люблю это слово.

— Никто не любит пророчества, когда они начинают сбываться.

— Что в нём было?

Он повернулся ко мне.

Зелёные глаза казались почти чёрными.

— Когда лесная гниль дойдёт до сердца, а драконья кровь начнёт умирать, вернётся та, кто лечит не заклятием, а руками. Не королева, не воин, не маг. Женщина с чужой смертью за плечами и именем первого утра.

Я почувствовала, как холод проходит под кожей.

— И имя?

Северин произнёс тихо:

— Ева.

Кулон на моей груди вспыхнул.

Не ярко. Но достаточно, чтобы все увидели.

Каменный фонтан в холле за стеной вдруг зазвенел.

Капли участились.

Кап. Кап. Кап.

Потом раздался тонкий, невозможный звук текущей воды.

Матвей побледнел.

— Источник...

Он бросился к двери. Северин за ним. Я тоже хотела идти, но Тимош зашевелился и слабо схватил меня за рукав.

— Госпожа...

Я наклонилась к нему.

— Тихо. Ты в безопасности.

— Не уходите...

Ударило прямо в сердце.

Я посмотрела на дверь. Там, в глубине дома, просыпалось что-то древнее. То, за чем охотились драконьи роды, император и, возможно, нежная Летиция с чужим ожерельем на шее.

А здесь был мальчик, которому страшно.

Я осталась.

— Не уйду, — сказала я. — Врач от пациента не убегает.

Он закрыл глаза.

И в этот момент дом прошептал у меня над ухом:

— Тогда источник выбрал верно.

Пол под ногами дрогнул.

Из коридора донёлся голос Матвея:

— Госпожа! Вам нужно это увидеть!

Я осторожно высвободила рукав из пальцев Тимоша, убедилась, что он снова спит, и вышла.

Холл изменился.

Сухой фонтан в центре больше не был сухим.

Из треснувшей чаши поднималась вода — серебристая, светящаяся, живая. Она не била струей, не переливалась через край, а словно дышала: поднималась и опускалась, будто грудь спящего человека.

На стенах фрески проступили ярче.

Зелёные башни.

Белые мосты.

Корона из ветвей.

И среди них — женщина.

Не я.

Но похожая настолько, что у меня подкосились ноги.

Те же черты лица, только старше. Те же глаза. На шее — тот же кулон в форме листа. В руках — чаша с водой.

Под изображением проявились буквы.

Я не знала их.

Но поняла.

Хранительница первого источника. Ева Арвени.

Северин стоял перед фреской, белый как мел.

Матвей опустился на колени.

А я смотрела на лицо женщины, которая жила здесь когда-то давно, и впервые за всё время почувствовала не страх.

А злость.

Очень тихую.

Очень холодную.

Потому что я поняла: меня не случайно занесло в этот мир.

Меня ждали.

Мной собирались воспользоваться.

Лес. Дом. Пророчество. Возможно, даже смерть.

Я сжала кулаки.

— Нет, — сказала я.

Северин медленно повернулся.

— Что — нет?

— Нет, я не буду вашей воскресшей святой. Не буду королевой из фрески. Не буду удобным ответом на древнюю беду. Я врач. Я лечу тех, кто передо мной. И если ваш лес болен — я посмотрю. Если драконы умирают — я разберусь. Но никто больше не будет снимать с меня имя и надевать другое.

Вода в фонтане поднялась выше.

Дом молчал.

Северин смотрел на меня долго.

А потом вдруг опустил голову.

Не поклон.

Скорее признание.

— Тогда начни с правды, Ева.

— С какой?

Он указал на фреску.

— Если источник проснулся, об этом узнают драконы. Очень скоро.

В этот миг где-то далеко, за стенами дома, в глубине леса раздался рёв.

Низкий.

Огромный.

Алый.

Матвей поднял голову, и на его лице не осталось ни капли надежды.

— Уже узнали, — прошептал он.

Глава 7. Алый рёв

Рёв прошёл сквозь дом, как удар.

Стёкла в окнах дрогнули. По стенам побежала пыль. Вода в фонтане взметнулась тонкими серебряными иглами и снова опала, будто испуганно втянулась в каменную чашу.

Тимош закричал из лечебни.

Я бросилась к нему, но Северин перехватил меня за руку.

— Не к окнам.

— Там мальчик!

— Я сказал: не к окнам.

В следующую секунду снаружи полыхнуло алым.

Не светом свечи. Не зарницей.

Огнём.

Огненная волна ударила по корням, закрывавшим окна, и весь дом застонал. Не образно. По-настоящему. Дерево под ногами вздрогнуло, стены протяжно скрипнули, где-то в глубине дома посыпалась штукатурка.

Запахло гарью.

Кучер в холле упал на колени.

— Дракон...

Матвей побледнел так, что борода на его лице показалась темнее кожи.

— Алый дом, — прошептал он. — Не может быть так быстро.

Северин выпустил мою руку и шагнул к двери.

— Может. Источник проснулся. Для драконов это как кровь в воде для акулы.

— Кто там? — спросила я.

— Если повезло, разведчик.

— А если нет?

Он посмотрел на меня.

— Тогда тот, кто сожжёт дом вместе с нами, чтобы никто другой не получил источник.

Очень хотелось уточнить, в каком месте у нас здесь вариант “повезло”, но из лечебни снова донёсся слабый стон Тимоша.

Я вырвалась из оцепенения.

— Матвей, к мальчику. Проверить, не открылось ли кровотечение. Кучер, если можете стоять — помогайте ему.

Кучер посмотрел на меня с ужасом.

— Госпожа, там дракон!

— А здесь раненый ребёнок. Угадайте, что я считаю более срочным.

Он моргнул.

Потом вдруг кивнул, тяжело поднялся и побежал за Матвеем.

Северин наблюдал за мной с выражением, которое я уже начинала узнавать: смесь раздражения, удивления и нежелательного уважения.

— Ты понимаешь, что дракон может разорвать крышу?

— А я могу упасть в обморок от истощения, но пока держусь. Все сегодня стараются.

Снаружи раздался новый рёв.

Ближе.

Дом снова дрогнул. Вода в фонтане пошла кругами.

На фреске женщина с моим лицом будто потемнела. Нет, не сама фреска — линии вокруг её рук. Зелёные ветви на рисунке стали чёрными, словно по ним расплзалась гниль.

Я подошла ближе.

— Что происходит?

Северин резко обернулся.

— Не трогай источник.

— Я только смотрю.

— С тобой это обычно длится недолго.

Он был прав, и это раздражало.

Вода в чаше дрожала. Я вдруг увидела в ней не отражение потолка, а что-то другое: огромную тень над лесом. Крылья. Алые прожилки в чёрной чешуе. Раскрытую пасть. Огонь, срывающийся вниз.

Но страннее было не это.

Страннее была боль.

Я чувствовала её через воду. Лес не просто боялся огня — он отвечал на него. Внутри Глухолесья поднималось что-то тяжёлое, тёмное, горячее. Как воспаление. Как лихорадка, когда тело, пытаясь бороться с заразой, начинает убивать само себя.

Корни за стенами зашевелились.

Сначала тихо.

Потом сильнее.

Дом начал обрастать ими прямо на глазах. Из щелей пола вылезали тонкие чёрные нити. По стенам ползли древесные жилы. Они закрывали окна, двери, фрески.

— Оно защищает нас? — спросила я.

Северин выругался.

— Нет. Оно закрывает рану.

— Какую рану?

— Источник. Тебя. Всех, кто внутри.

— И что плохого?

— Если лес сомкнётся полностью, дом уйдёт под землю. Вместе с нами.

Я медленно повернулась к нему.

— То есть у нас с одной стороны дракон, который может нас сжечь, а с другой лес, который может нас закопать?

— В целом — да.

— Великолепная недвижимость. Надо было просить алименты.

Ещё один удар огня заставил дом вздрогнуть. На этот раз где-то сверху треснула балка. Посыпались сухие листья, пыль и мелкая древесная труха.

Из лечебни крикнул Матвей:

— Госпожа! Кровь пошла!

Я бросилась туда.

Тимош метался на столе, бледный, мокрый от пота. Повязка на бедре снова адела. Не сильно, но достаточно, чтобы меня неприятно кольнуло под рёбрами.

— Держите его, — сказала я.

Матвей прижал плечи мальчика. Кучер, дрожа, удержал ноги.

Я быстро развязала повязку. Швы на месте. Кровь сочилась не из раны, а будто из кожи вокруг неё — мелкими тёмными каплями.

Плохо.

Не обычное кровотечение.

Лесная гниль снова оживала.

Огонь снаружи возбуждал её, как жар возбуждает инфекцию.

— Она реагирует на дракона, — сказала я.

Матвей поднял на меня глаза.

— Что?

— Гниль. Она не просто болезнь леса. Она связана с драконьей силой.

Северин появился в дверях.

— Осторожнее с выводами.

— Я врач. Я живу выводами, которые все остальные сначала называют невозможными. Я приложила ладонь к коже рядом с раной.

И увидела.

Чёрная нить, которую я уже вытягивала, снова шевелилась внутри тканей. Но теперь в ней появились алые искры. Крошечные, злые, горячие. Они были похожи на угольки, застрявшие в гнили.

Драконий огонь не сжигал болезнь.

Он кормил её.

Я отдернула руку.

— Почему драконы вымирают? — спросила я.

Северин молчал.

— Почему? — повторила я резче.

Матвей ответил вместо него:

— Кровь слабеет. Дети рождаются без крыльев. Взрослые теряют обращение. У некоторых чешуя чернеет, сердце сгорает заживо. Они называют это угасанием рода.

Я посмотрела на почерневшую кожу вокруг раны Тимоша.

— Это не угасание.

Северин шагнул ближе.

— Ева.

— Это заражение.

Слова упали тяжело.

Даже дом будто затих, слушая.

— Драконы больны той же гнилью, что и лес, — сказала я. — Только у леса она в корнях, а у них в крови.

Матвей осел на ближайший стул.

— Матерь крыла...

Северин смотрел на меня так, будто я только что открыла дверь, за которой он годами держал чудовище.

— Если ты скажешь это Совету драконьих родов, — медленно произнёс он, — тебя либо объявят святой, либо разорвут на части, чтобы узнать, как ты это поняла.

— Прекрасно. Значит, пока не скажу.

Снаружи раздался грохот.

Дом качнулся.

Из холла донёсся хруст — корни закрывали вход.

Северин резко развернулся.

— Он садится.

— Кто?

— Дракон.

Он выбежал.

Я снова прижала повязку к бедру Тимоша.

— Дыши, — сказала я мальчику. — Не смей сдаваться, слышишь?

— Госпожа... горячо...

— Знаю.

Но я не знала, что делать.

Живую воду? Опасно. Снова касаться гнили? Я уже едва стояла. Убрать дракона? Ещё смешнее. У меня не было ни магии, ни оружия, ни понимания, как разговаривать с существом, которое снаружи поливает мой новый дом огнём.

Хотя нет.

Кое-что у меня было.

Я знала, как разговаривать с больным организмом.

Не словами.

Действием.

— Матвей, — сказала я. — Как попасть к источнику?

— Он в холле.

— Нет. Настоящий. Сердце.

Старик побледнел.

— Госпожа...

— Быстро.

— Под домом есть нижняя чаша. Но туда не входили двадцать лет.

— Сегодня все получают повышение. Чаши тоже.

Я выбежала в холл.

Северин стоял у двери, зажатой корнями. В щели между древесными жилами я увидела снаружи алый глаз.

Огромный.

Вертикальный зрачок сузился, заметив меня.

Голос ударил в дом так, что воздух задрожал:

— Эвелина де Вальер. По праву Алого дома вы обязаны выйти.

Я остановилась.

— Они даже драконов учат хамить официально?

Северин не оценил.

— Это не Рейнар.

— А кто?

— Родовой страж. Полукровный дракон. Достаточно сильный, чтобы сжечь усадьбу.

Недостаточно умный, чтобы задуматься.

Алый глаз приблизился к щели.

— Источник принадлежит драконьим родам. Выйдите, и ваша смерть будет быстрой.

Я открыла рот.

Северин схватил меня за локоть.

— Даже не думай отвечать.

— Поздно.

Я шагнула ближе к двери.

— Передайте своему начальству, что источник принимает пациентов по записи. Сегодня мест нет.

Тишина.

Северин закрыл глаза с выражением человека, который впервые в жизни пожалел, что вышел из леса.

Алый глаз моргнул.

— Что?

— Вы плохо слышите? Это лечится, но не у меня и не сегодня.

Снаружи низко зарычали.

Корни на двери задрожали.

— Ты не Эвелина, — произнёс дракон.

У меня похолодели пальцы.

Северин напрягся.

— Эвелина пахла пустотой, — продолжил голос. — Ты пахнешь источником.

Корни на двери начали дымиться.

— Откройся, женщина. Или я войду через стены.

И тут дом заговорил.

Не тихим женским голосом, как раньше.

Сразу всеми балками, стенами, корнями, водой и пылью.

— Не впусти.

Дракон ударил огнём.

Корни вспыхнули.

Я не подумала.

Просто бросилась к фонтану и опустила обе руки в живую воду.

Боль была такой, что я закричала.

Не вода.

Огонь.

Лёд.

Тысячи игл под кожу. Чужие воспоминания. Зелёные башни, падающие в туман. Драконы в небе. Люди у источника. Женщина с моим лицом, стоящая перед чашей. Чёрная тень за её спиной.

И голос.

Тот же, что в доме.

Слабый.

Больной.

— Лечи не пламя. Лечи страх.

Я не понимала.

Но тело — или душа, которая уже жила здесь когда-то, — поняло за меня.

Я почувствовала лес как пациента.

Не чудовище. Не проклятие.

Пациента в панике.

Его били огнём, и он отвечал, сжимался, душил сам себя, закрывал все сосуды-корни, пытаясь спрятать сердце.

— Тихо, — прошептала я.

Вода обжигала руки.

— Тихо. Не надо закрываться. Дыши.

Северин что-то крикнул, но я не слышала.

Я видела только сеть корней под домом. Они сжимались вокруг источника, как мышцы в судороге.

— Не сжимайся, — сказала я. — Отпусти. Он не достанет. Я здесь.

Смешно.

Глупо.

Кто я такая, чтобы обещать это живому лесу?

Но вода под ладонями вдруг стала тёплой.

Корни на двери перестали дымиться.

Пламя снаружи погасло, будто его накрыли мокрым покрывалом. Не потушили силой. Лишили воздуха.

Дракон взревел.

Усадьба ответила.

Из земли вокруг дома поднялись не корни — стены. Живые, зелёные, плотные. Они не атаковали. Они просто встали между огнём и домом.

Защита без паники.

Я вытащила руки из воды и рухнула бы, если бы Северин не подхватил меня.

— Ты безумна, — сказал он хрипло.

— Уже обсуждали.

— Ты могла умереть.

— Тоже не новая тема.

Он держал меня слишком крепко. Его лицо было близко, глаза темнели от злости и чего-то ещё — того самого страха, о котором дом говорил раньше.

— Никогда больше не лезь в источник без меня.

— Выдайте мне памятку, что ли.

Снаружи послышался тяжёлый удар крыльев.

Дракон отступал.

Не улётал далеко. Кружил над лесом. Но прямо сейчас дом он не жёг.

Я попыталась выпрямиться.

— Тимош.

— Жив, — сказал Матвей из дверей лечебни.

Он смотрел на меня так, словно я стала ещё одной фреской на стене.

— Гниль снова ушла. Жар спал.

Я закрыла глаза.

Хорошо.

Хотя бы это.

Но источник в фонтане вдруг потемнел.

На поверхности воды возникло изображение.

Не лес.

Не дом.

Герцогский зал.

Рейнар Астерхольд стоял среди обломков стекла. На его лице впервые не было холодного спокойствия. Рука сжимала край стола так, что дерево трещало под пальцами.

Перед ним стояла Летиция.

Ожерелье Алого дома на её шее почернело.

Алые камни больше не сияли. Внутри них ползли тонкие тёмные прожилки — такие же, как в ране Тимоша.

Летиция подняла голову.

И посмотрела прямо на меня сквозь воду.

Её нежное лицо исказила улыбка.

Не человеческая.

— Она жива, — произнесла Летиция.

Рейнар резко обернулся.

А Летиция коснулась почерневшего ожерелья и прошептала:

— Значит, первая кровь не пропала зря.

Глава 8. Первая кровь

— Значит, первая кровь не пропала зря.

Слова Летиции повисли над водой, как яд над открытой раной.

Я смотрела в потемневшую чашу фонтана и чувствовала, как холод медленно поднимается от пальцев к локтям, от локтей — к плечам. Не тот холод, что бывает от ветра или сырости. Другой. Внутренний. Когда врач видит симптом, который не должен быть связан с остальными, но связан. И от этого вся картина болезни становится страшнее.

Летиция улыбалась сквозь воду.

Красивая. Нежная. Белая, как лилия на могиле.

Рейнар стоял рядом с ней, но, кажется, ничего не видел. Его взгляд был устремлён куда-то в сторону, лицо оставалось жёстким, только пальцы продолжали сжимать столешницу так, что в дереве расходились трещины.

— Кто жива? — спросил он.

Летиция медленно повернула к нему голову.

Изображение дрогнуло.

На мгновение мне показалось, что за её спиной поднялась тень — высокая, тонкая, с длинными руками. Но вода пошла рябью, и всё исчезло.

Фонтан снова стал просто фонтаном.

Серебристая вода тяжело плеснулась о край чаши.

В холле наступила тишина.

Потом Северин тихо выругался.

Очень коротко.

Очень ёмко.

Я посмотрела на него.

— “Первая кровь” — это что?

Он молчал.

Уже по одному этому молчанию стало понятно: ответ мне не понравится.

— Северин.

Он вздрогнул, будто я ударила его именем.

— Не называй меня так.

— Тогда отвечай быстрее, Север.

Его глаза сузились.

— Первая кровь — старый обряд. Древнее право входа. Чтобы чужая сила смогла найти дорогу в Глухолесье, ей нужна кровь того, кого лес уже коснулся.

Я медленно повернула голову в сторону лечебни.

— Тимош.

— Да.

— Его ранили не случайно.

Матвей, стоявший у стены, побледнел ещё сильнее. Казалось, за эту ночь он израсходовал все оттенки живого цвета.

— Но карета сломалась на дороге...

— Дороги не ломают колёса, — сказал Северин. — Люди ломают.

Я вспомнила удар. Крик. Мальчишку, сидящего в грязи. Кровь между пальцами. Ткань, которую лизнул корень и которая почернела за секунду.

Кровь у границы.

Кровь, которую лес почувствовал.

Кровь, по которой что-то нашло нас.

Внутри поднялась такая злость, что усталость отступила.

— Они использовали ребёнка как метку?

Северин не ответил.

И это снова было ответом.

Я пошла в лечебню.

Ноги подкашивались, ладони всё ещё горели после живой воды, перед глазами плавали тёмные пятна. Но злость держала лучше любого лекарства.

Тимош спал. Лицо оставалось бледным, но дыхание стало ровнее. Кучер сидел рядом, прижимая к груди кружку с водой, и смотрел на мальчика так, будто тот был единственным якорем в мире, который окончательно сошёл с ума.

— Отойдите, — сказала я.

Кучер вскочил.

— Госпожа?

— Мне нужно осмотреть рану ещё раз.

Матвей торопливо зажёл дополнительные свечи. Дом, будто поняв, что сейчас будет важно, открыл ставни над высоким узким окном. За ним, правда, всё равно были корни, но между ними пробился мягкий зелёный свет.

Я сняла повязку.

Швы держались. Крови почти не было. Кожа вокруг раны оставалась воспалённой, но чёрные прожилки ушли глубже. Или спрятались.

Я наклонилась ближе.

В ране что-то блеснуло.

Очень мелкое.

Не кровь. Не осколок дерева. Не камень.

Я взяла пинцет из шкафчика, подержала над огнём, остудила в кипячёной воде и осторожно раздвинула край раны.

Тимош застонал, но не проснулся.

— Держи свет, — сказала я.

Северин встал рядом, поднял свечу.

Пламя дрогнуло.

В глубине раны сидела тонкая чёрная заноза.

Не просто заноза — крошечный шип, гладкий, изогнутый, словно обломок когтя или иглы. Вокруг него ткани были темнее.

— Вот ты где, — прошептала я.

— Не трогай, — резко сказал Северин.

— Поздно.

Я подцепила шип пинцетом и вытащила.

Тимош вскрикнул.

Чёрная капля выступила из раны и тут же задымилась.

Шип в моих щипцах дёрнулся.

Живой.

Я едва не выронила его, но Северин успел подставить пустую металлическую чашу. Шип упал внутрь и заскреб по дну, будто маленькое насекомое.

Кучер сдавленно охнул.

Матвей сделал знак крыла.

— Семя гнили, — сказал Северин.

Голос у него стал совсем глухим.

— Нет, — поправила я. — Иностранное тело. Очаг заражения. И, судя по всему, ещё и маяк.

Шип снова дёрнулся в чаше.

От него тянулась тонкая тёмная нить — не физическая, скорее тень. Она пыталась ползти обратно к ране Тимоша.

Я накрыла чашу ладонью.

Кулон на груди обжёг кожу.

Тень отпрянула.

— Ева, — предупреждающе сказал Северин.

— Что?

— Ты опять делаешь то, что может тебя убить.

— Я просто держу чашу.

— В твоём исполнении “просто” уже звучит как угроза.

Шип бился под моей ладонью. Я чувствовала его не кожей, а где-то глубже. Маленький комок чужой злобы. Не болезнь сама по себе — переносчик. Как заражённый клещ. Как грязная игла. Как всё то, что приносит заразу туда, где её раньше не было.

— Матвей, — сказала я. — У вас есть плотная банка? Стекло, металл, что угодно, что закрывается.

— Есть.

— Принесите. Это нужно сохранить.

Северин посмотрел на меня так, будто я предложила поселить змею в детской кровати.

— Уничтожить.

— Нет.

— Это семя гнили.

— Именно поэтому я хочу его изучить.

— Ты не понимаешь...

— Да, я не понимаю. И знаешь, что делают люди, когда не понимают болезнь? Изучают. А не бегают вокруг с факелами и молитвами.

Он подошёл ближе.

— Болезнь? Ева, это не простуда из твоего мира.

Я замерла.

Он тоже понял, что сказал лишнее.

Комната будто наклонилась.

Матвей остановился у двери. Кучер перестал дышать. Даже дом притих.

— Из моего мира? — повторила я тихо.

Северин закрыл глаза.

— Не сейчас.

— Нет. Сейчас.

Он открыл глаза.

И в них впервые не было ни раздражения, ни уклончивости. Только усталость. Такая старая, что она делала его почти чужим самому себе.

— Дом сказал слишком много. Источник показал фреску. Твоё имя совпало с именем хранильницы. Ты лечишь то, что не лечится. Ты говоришь словами, которых нет в Веларии. И ты смотришь на всё так, будто каждую минуту сравниваешь этот мир с другим.

Я молчала.

— Я не знаю, откуда ты пришла, — продолжил он. — Но знаю, что ты не Эвелина де Вальер.

В груди что-то сжалось.

Не от страха разоблачения.

От странного, почти болезненного облегчения.

Кто-то сказал это вслух.

Я больше не была обязана притворяться перед ним той, кем не являлась.

— А если я скажу, что не знаю, как вернуться? — спросила я.

— Я поверю.

— А если скажу, что не просила меня сюда тащить?

— Тоже поверю.

— А если скажу, что хочу спасти мальчика, разобраться с лесом, а потом найти способ не стать пешкой в чужом пророчестве?

Северин смотрел на меня долго.

— Тогда я скажу, что у тебя плохие шансы.

Я усмехнулась.

— Зато честно.

— Но не нулевые.

Это было сказано тихо.

Почти небрежно.

Но почему-то именно от этих слов стало теплее, чем от всех поклонов Матвея и шёпота дома.

Матвей принёс банку из толстого мутного стекла с металлической крышкой. Мы пересыпали туда шип, и я велела поставить его подальше от Тимоша. Банка подрагивала на столе. Внутри шип бился всё слабее, словно без крови терял силу.

— Значит, — сказала я, возвращаясь к ране мальчика, — кто-то заранее подложил это в колесо или в упряжь. Карета ломается у границы. Тимош получает рану. Семя гнили попадает в кровь. Лес чувствует кровь, принимает нас внутрь. Дракон находит источник по следу. Летиция говорит, что первая кровь не пропала зря.

— Да, — сказал Северин.

— И всё это за несколько часов после развода.

— Скорее всего, план был готов раньше.

Я остановилась.

Раньше.

Конечно.

Эвелину не просто выбросили.

Её отправили в Глухолесье.

Может быть, прежняя Эвелина должна была умереть у границы. Её кровь стала бы первой. Или кровь слуги. Или любого, кто оказался бы рядом.

Но вместо тихой смерти они получили меня.

Врача, который полез зашивать мальчишку.

И живой лес, который почему-то решил: “наконец-то”.

— Летиция хотела открыть дорогу к источнику, — сказала я. — Но не ожидала, что я смогу его пробудить.

— Теперь она знает.

— И Рейнар?

Северин помолчал.

— Рейнар пока знает меньше, чем думает.

Я вспомнила лицо бывшего мужа в воде. Его ярость. Растерянность. Вопрос: “Кто жива?”

Он не знал.

Но узнает.

И когда узнает, придёт не полукровный страж, а сам герцог Алого дома.

— Насколько опасен Рейнар? — спросила я.

Матвей и Северин переглянулись.

Плохой знак.

— В человеческом облике? — уточнил Северин.

— Мне уже не нравится начало ответа.

— Очень опасен. В драконьем — хуже.

— Он может войти в Глухолесье?

— Раньше нет.

— А теперь?

Северин посмотрел на банку с шипом.

— Теперь у него может быть след.

Дом вдруг застонал.

Не от боли — от предупреждения.

В холле снова забил фонтан.

Капли застучали быстро, тревожно.

Матвей вышел первым. Я за ним. Северин остался у двери лечебни, будто прикрывая нас от всего мира сразу.

Вода в фонтане больше не показывала дворец.

На поверхности колебалась карта.

Не бумажная, не нарисованная — живая. Серебряные линии источников, зелёные жилы корней, тёмные пятна гнили. Одно пятно было совсем близко к усадьбе. Второе — на границе, где нас атаковал дракон. Третье пульсировало далеко на западе.

В герцогском дворце.

А между ними тянулась тонкая алая нить.

Матвей прошептал:

— Кровный след.

Нить дёрнулась.

Словно кто-то с той стороны потянул её к себе.

Фонтан вспыхнул.

И в воде появилось лицо Рейнара.

На этот раз он видел меня.

Точно видел.

Его серые глаза с алым отблеском расширились.

— Эвелина?

Я не ответила.

Не смогла.

Он смотрел так, как не смотрел в зале. Без презрения. Без холода. С изумлением, которое почти походило на удар.

— Ты жива, — сказал он.

Северин встал рядом со мной.

Очень близко.

Рейнар заметил его.

И всё его лицо изменилось.

Удивление исчезло. Осталась ярость — мгновенная, драконья, обжигающая даже через воду.

— Отойди от моей жены.

Я вдруг рассмеялась.

Не громко.

Но достаточно, чтобы Рейнар замер.

— Простите, милорд, — сказала я. — Кажется, вы пропустили собственный развод.

Его взгляд вернулся ко мне.

— Ты не понимаешь, что происходит.

— Удивительно. За сегодня мне это сказали уже все мужчины, которых я встретила.
— Глухолесье опасно. Источник опасен. Тот, кто рядом с тобой, опаснее, чем ты думаешь.

Северин усмехнулся.

— А ты всё так же любишь предупреждать после того, как сам поджёг дом?

Рейнар оскалился.

Не метафорически.

На мгновение за его человеческим лицом проступило другое — с чешуёй, клыками и алым пламенем в глазах.

— Северин Арвенн, — произнёс он. — Значит, ты всё-таки выполз из своей могилы.

Матвей охнул.

Я медленно повернулась к Северину.

— Могилы?

— Позже, — сказал он.

— Как неожиданно.

Рейнар ударил ладонью по невидимой преграде воды.

Фонтан вздрогнул.

— Эвелина, слушай меня. Я еду за тобой.

Вот теперь внутри стало пусто и спокойно.

Очень спокойно.

Так бывает, когда опасность наконец получила форму.

— Нет, — сказала я.

Он будто не слышал.

— Ты покинешь лес до ночи. Я заберу тебя под защиту Алого дома.

— Под защиту? Это так теперь называется?

— Я не позволю тебе умереть из-за упрямства.

— А из-за унижения позволили.

Рейнар замолчал.

Слова попали.

Я увидела это.

На один миг в его глазах мелькнуло что-то человеческое. Не раскаяние ещё. Нет. Слишком рано. Скорее первая трещина в уверенности, что он всё сделал правильно.

— Эвелина...

— Ева, — сказала я.

Фонтан вспыхнул зелёным.

Дом за моей спиной тихо, довольно скрипнул.

Рейнар смотрел на меня так, будто это имя ударило его сильнее любого оскорбления.

— Что?

— Меня зовут Ева.

Северин не двигался.

Матвей не дышал.

А я сделала шаг ближе к фонтану.

— Передайте вашей новой невесте, что её “первая кровь” не сработала так, как она хотела. Мальчик жив. Семя гнили у меня. Источник проснулся. И если вы явитесь сюда с огнём, я буду лечить лес от вас как от воспаления.

Рейнар побледнел от ярости.

— Ты угрожаешь мне?

Я посмотрела на воду.

На алую нить.

На тёмные пятна гнили.

На своё отражение — бледное, измученное, с чужим лицом и моими глазами.

— Нет, милорд, — сказала я. — Ставлю диагноз.

И опустила ладонь в фонтан.

Вода взметнулась.

Связь оборвалась.

Голос Рейнара исчез, но перед этим я успела услышать его рёв — не драконий даже, а мужской, злой, беспомощный.

Фонтан успокоился.

В холле остались только мы, вода и лес, который теперь дышал где-то под полом ровнее.

Северин смотрел на меня с таким выражением, будто не знал, восхищаться моей наглостью или связать меня и спрятать в подвале ради общего блага.

— Ты понимаешь, что только что сделала? — спросил он.

Я устало прислонилась к краю фонтана.

— Да.

— И что же?

— Добилась, что бывший муж приедет лично.

— И это хорошо?

Я посмотрела на банку с семенем гнили, которую Матвей держал в руках как ядовитую змею.

— Это неизбежно, — сказала я. — Но теперь мы знаем, что искать.

Матвей осторожно поднял банку.

Шип внутри больше не бился.

Он замер.

И вдруг раскрылся.

Как семечко.

Из чёрной скорлупы показался крошечный белый корешок.

Не мёртвый.

Живой.

Но больной.

Я почувствовала, как у меня по спине пробежал холод.

Северин шагнул ближе.

— Этого быть не должно.

— Перестаньте уже говорить эту фразу, — прошептала я.

Белый корешок дрогнул и потянулся в мою сторону.

А потом из банки донёсся едва слышный голос.

Детский.

Не Тимоша.

Другой.

— Хранительница... спаси нас...

Глава 9. Голос в семени

— Хранительница... спаси нас...

Голос был таким тихим, что сначала я решила: показалось.

Но в холле все замерли.

Матвей побледнел. Северин шагнул вперёд и заслонил меня плечом. Кучер, выглянувший из лечебни, тут же исчез обратно, как человек, который окончательно устал знакомиться с чудесами.

Банка в руках Матвея дрожала.

Внутри чёрное семя гнили раскрылось, как больной плод. Из трещины тянулся тонкий белый корешок. Слабый, почти прозрачный. Он касался стекла и будто искал выход.

— Хранительница...

Теперь слышали все.

Матвей резко поставил банку на край фонтана и отступил.

— Сжечь, — сказал Северин.

— Нет.

— Ева.

— Я сказала нет.

Он повернулся ко мне, и в его глазах вспыхнула злость.

— Это гниль.

— Это говорит.

— Гниль умеет говорить тем, что заставит тебя открыть дверь.

— А люди умеют говорить “сжечь”, когда боятся разобраться.

Северин резко выдохнул.

— Ты не знаешь, сколько людей погибло из-за таких голосов.

— Не знаю. Поэтому и хочу узнать.

Я подошла к банке.

Белый корешок внутри повернулся ко мне. У него не было лица, глаз, рта, но я почувствовала взгляд. Слабый, испуганный, почти детский.

— Кто ты? — спросила я.

Стекло запотело изнутри.

На мутной поверхности проступили тонкие линии. Сначала хаотичные, потом всё яснее: башня, дерево, маленькая ладонь, прижатая к стеклу.

Голос дрогнул:

— Мы... не умерли...

Матвей застонал и схватился за посох.

— Мать крыла...

Северин побелел.

Не от страха.

От боли.

Я увидела это сразу. Его лицо стало неподвижным, как маска, но рука на рукояти ножа дрожала. Едва заметно. Только пальцы. Но дрожала.

— Кто “мы”? — спросила я.

Вода в фонтане потемнела.

И показала город.

Не настоящий — воспоминание. Зелёные башни под ясным небом. Белые мосты над каналами. Люди на площади. Дети у фонтана. Женщина с корзиной трав. Старик, кормящий птиц. Юноша в зелёном плаще, смеющийся рядом с девочкой в венке из листьев.

Живой Арвенн.

До леса.

До тумана.

До гнили.

Потом небо стало алым.

Над городом прошли драконы.

Я слышала крики.

Северин резко отвернулся.

Но вода не остановилась.

На площади вспыхнул источник. Люди бежали к нему. Кто-то молился. Кто-то пытался закрыть детей собой. Потом из-под земли поднялись корни — не чёрные, как сейчас, а зелёные, светлые, живые. Они обвили башни, мосты, дома, людей.

Не раздавили.

Спрятали.

Город ушёл вниз.

Будто земля закрыла над ним ладонь.

А потом в эту ладонь вонзили чёрный шип.

Вода вспыхнула тьмой.

Я увидела, как зелёные корни чернеют изнутри. Как люди внутри спящего города открывают рты, но не могут кричать. Как источник, пытаясь защитить их, начинает расти. Всё дальше. Всё шире. Захватывая землю, деревни, дороги.

Не чтобы пожрать.

Чтобы найти помощь.

Я отшатнулась.

Северин успел поймать меня за плечо.

— Хватит, — сказал он фонтану.

Вода успокоилась.

Но я уже увидела достаточно.

— Глухолесье не уничтожило королевство, — прошептала я. — Оно пыталось его спасти.

Матвей медленно опустился на ступень.

— Всю жизнь говорили, что Арвенн проклял себя. Что хранители сошли с ума. Что лес сожрал свой народ.

— Нет, — сказала я. — Он законсервировал его. Как организм закрывает рану рубцом.

Северин отпустил моё плечо и отошёл к фреске.

— Ты говоришь о моём доме так, будто это тело на столе.

— Потому что иначе я не смогу его лечить.

Он повернулся.

— Лечить? Ты видела это и всё ещё думаешь, что можешь лечить?

В его голосе сорвалась злость.

Не на меня. На прошлое. На город в воде. На драконов. На себя, потому что выжил.

— Я думаю, что обязана попробовать.

— Почему?

Вопрос ударил неожиданно.

Почему?

Потому что я врач. Потому что мальчик на столе жив. Потому что мёртвый город шепчет из больного семени. Потому что в моём мире я не успела к пациенту, а в этом мире мне дали ещё одну дверь, за которой кто-то ждёт помощи.

Я посмотрела на банку.

— Потому что они попросили.

Северин закрыл глаза.

На несколько секунд он стал не опасным мужчиной из леса, не изгнанным принцем, не человеком с ножом и тайнами. Просто уставшим выжившим, которому слишком долго никто не говорил, что его дом можно не только оплакивать.

— Голос может лгать, — сказал он тише.

— Может. Поэтому проверим.

— Как?

Я взяла банку обеими руками.

Матвей вскочил.

— Госпожа!

— Не открываю. Только смотрю.

— У вас это редко заканчивается “только”, — мрачно заметил Северин.

— Согласна, репутация уже сложилась.

Стекло под пальцами было холодным. Белый корешок внутри коснулся стенки напротив моей ладони.

И снова пришла боль.

Но теперь не резкая, не липкая, не тянущая. Другая. Боль долгой неподвижности. Как у человека, которого слишком долго держали без воздуха и света. Как у конечности, пережатой до онемения.

Я закрыла глаза.

— Тут не только гниль, — сказала я. — Есть живая ткань. Очень слабая. Почти задущенная.

— Это семя заражает всё вокруг, — сказал Северин.

— Потому что болезненное. Если в ране гной, ты не объявляешь всю ногу злом. Ты вскрываешь, очищаешь, смотришь, что можно сохранить.

Матвей медленно поднял голову.

— А если сохранить нельзя?

Я не ответила сразу.

Потому что врачебная честность иногда жестока.

— Тогда ампутируют, — сказала я. — Но только после осмотра. Не до.

Дом тихо заскрипел.

Мне показалось — одобчительно.

Из лечебни донёсся слабый голос Тимоша:

— Госпожа?..

Я тут же поставила банку и пошла к нему.

Мальчик проснулся окончательно. Бледный, ослабший, с пересохшими губами, но глаза были ясными. Это уже было победой.

— Как боль? — спросила я.

— Нога горит.

— Хорошо.

Он испуганно моргнул.

— Хорошо?

— Если болит, значит, ты живой и нога пока с тобой. Будем считать это рабочим началом.

Кучер сидел рядом, сжимая кружку.

— Он просил пить.

— Маленькими глотками. Не заливать. И что-нибудь тёплое, если дом способен варить бульон.

В стене тут же скрипнула дверца.

За ней оказался небольшой поднос: глиняная миска, от которой поднимался пар, ложка и кусок хлеба.

Я уставилась на него.

— Дом, если ты умеешь готовить, у нас будут гораздо более тёплые отношения.

Где-то в потолке довольно хрустнула балка.

Северин, вошедший следом, тихо сказал:

— Ты только что похвалила древнее хранилище Арвенна за суп.

— Заслуженно. Суп — важнейшая часть цивилизации.

Тимош слабо улыбнулся.

Я помогла ему сделать несколько глотков. Бульон пах травами и чем-то мясным. Нормально. Даже хорошо. Если не думать, откуда говорящий дом взял свежую еду после двадцати лет запустения.

Нет, думать не будем.

У меня и так список вопросов распух до размеров медицинской энциклопедии.

Когда Тимош снова задремал, я вышла в холл.

Матвей стоял у фонтана и смотрел на банку так, будто внутри сидел его давно потерянный родственник и бешеная крыса одновременно.

— Нужно место для работы, — сказала я.

— Для какой работы?

— Для изучения гнили. Отдельная комната. Подальше от раненых и кухни. Каменный стол. Вода. Огонь. Тряпки. Запирающаяся дверь. И если в этом доме есть что-то вроде перчаток, масок или хотя бы плотной ткани — отлично.

Матвей растерянно моргнул.

— Ты хочешь устроить лабораторию?

— Да.

Северин нахмурился.

— Ты знаешь это слово?

— А вы?

Он не ответил.

Я прищурилась.

— Северин Арвенн, у меня ощущение, что вы знаете больше, чем положено человеку, который живёт в лесу и пугает кареты.

— Я не пугаю кареты.

— Сегодня вы вышли из тумана с ножом. Это близко.

Матвей вдруг кашлянул.

— В нижнем крыле была комната хранителей. Там изучали болезни источников.

Я повернулась к нему.

— Ведите.

— Сейчас?

— Пока бывший муж не приехал с огнём в виде себя.

— С чем?

— Неважно. С драконом.

Матвей взял связку ключей. Один из них, длинный и чёрный, сам повернулся на кольце и тихо звякнул.

Дом выбрал за нас.

Мы спустились по узкой лестнице в нижнее крыло. Воздух там был холоднее, влажнее. На стенах светились тонкие зелёные прожилки, как вены под кожей. Чем ниже мы шли, тем сильнее я слышала источник.

Не ушами.

Грудью.
Он дышал.
Медленно. Неровно. Больно.
Комната хранителей оказалась за тяжёлой дверью с гербом листа и чаши. Матвей вставил ключ, но дверь не открылась.
— Двадцать лет не поддавалась, — пробормотал он.
Я шагнула ближе.
Кулон нагрелся.
Замок щёлкнул сам.
— Конечно, — сказал Северин. — Почему бы и нет.
Дверь распахнулась.
Внутри было темно.
Потом вдоль стен одна за другой вспыхнули чаши с зелёным огнём.
Комната оказалась большой, круглой, с каменным столом в центре и полками до потолка. Слянки. Таблички. Свитки. Металлические инструменты. На стене — огромная схема Глухолеся. Не карта местности, а схема организма: корни, источники, узлы, очаги.
И почти вся восточная часть была закрашена чёрным.
Я подошла ближе.
— Это прогрессия болезни.
Матвей выдохнул:
— Это карта падения Арвенна.
— Одно и то же.
На каменном столе лежала раскрытая книга.
Пыль вокруг неё была нетронутой, но страницы выглядели свежими, будто кто-то читал её вчера. Я провела пальцем по первой строке.
Буквы сложились в понятный текст.
“Если хранитель читает это, значит, гниль достигла крови драконов”.
В комнате стало так тихо, что я услышала, как Северин перестал дышать.
Я читала дальше.
“Мы ошиблись. Драконы не принесли проклятие. Они были первыми заражёнными. Тот, кто пришёл под видом спасителя, использовал их кровь как сосуд”.
— Летиция, — прошептала я.
Северин подошёл ближе.
— Её тогда не было.
— Не она. То, что за ней.
Страница сама перевернулась.
На следующей был рисунок.
Женщина в белом.
Только лицо не прорисовано. Вместо лица — чёрное пустое пятно. На груди — ожерелье с алыми камнями, внутри которых ползут тёмные прожилки.
Моё сердце ударило сильнее.
Ожерелье Алого дома.
То самое, которое Рейнар снял с моей шеи и надел на Летицию.
Под рисунком была надпись:
“Не позволяйте сосуду получить знак драконьей супруги. Через него гниль войдёт в родовое пламя”.
Я медленно подняла глаза.
— Он сам отдал ей ключ.
Северин понял первым.

— Рейнар.

— Он не просто унизил Эвелину, — сказала я. — Он передал Летиции доступ к крови Алого дома.

Матвей схватился за край стола.

— Значит, Алый род уже заражён?

Я вспомнила почерневшие камни на шее Летиции.

— Да.

И в этот момент дом содрогнулся.

Не от удара снаружи.

От крика внутри.

Из фонтана наверху донёлся далёкий драконий рёв.

Но теперь он был не яростным.

Он был полон боли.

Северин выпрямился.

— Рейнар.

Я сжала пальцы на книге.

Ещё вчера этот мужчина снял с меня ожерелье и отдал другой женщине. Несколько часов назад называл меня своей женой, будто развод был ошибкой в документах.

Я имела полное право не хотеть его спасать.

Но перед глазами вспыхнули чёрные прожилки в камнях.

Заражение.

Очаг.

Распространение.

Я закрыла книгу.

— Матвей, готовьте комнату. Северин, мне нужен самый быстрый способ связаться с Рейнаром.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую.

— Ты хочешь предупредить его?

— Нет, — сказала я. — Я хочу поставить ему диагноз до того, как он сожжёт половину леса и умрёт от собственной глупости.

Сверху снова донёлся рёв.

Слабее.

Больнее.

А потом в живой воде фонтана прозвучал голос Рейнара.

Не приказ. Не угроза.

Хрип.

— Эвелина... что она со мной сделала?..

Глава 10. Диагноз для дракона

— Эвелина... что она со мной сделала?..

Голос Рейнара пришёл сверху, из холла, через живую воду фонтана.

Не грозный.

Не властный.

Не тот низкий, холодный голос, которым он приказывал подписать развод.

Этот голос был сорванным. Хриплым. В нём слышалась боль — такая сильная, что даже каменные стены нижней комнаты отозвались тонкой дрожью.

Я замерла у стола хранителей.

На раскрытой книге всё ещё виднелась надпись:

“Через знак драконьей супруги гниль войдёт в родовое пламя”.

Ожерелье.

Он сам снял его с моей шеи.

Сам надел на Летицию.

Сам отдал ей ключ к своему дому, крови и силе.

Как врач я должна была почувствовать тревогу за пациента.

Как женщина — не почувствовала ничего хорошего.

— Ева, — сказал Северин.

Я подняла глаза.

— Не надо.

— Ты ещё не знаешь, что я собираюсь делать.

— Знаю. Ты собираешься спасти человека, который час назад прислал дракона сжечь твой дом.

— Не мой дом.

— Твой, — сказал он жёстко. — Дом признал тебя.

Я невольно оглянулась на стены с зелёными прожилками. Дом молчал, но мне показалось, что он слушает.

— Признал — не значит купил с мебелью и обязанностями.

— Для Арвенна значит.

— Вот поэтому Арвенну срочно нужен человек с нормальными границами.

Матвей, стоявший у двери, тихо кашлянул.

— Госпожа... если герцог Алого дома заражён, он опасен не только для себя.

— Я понимаю.

И правда понимала.

Рейнар был не просто бывшим мужем чужого тела. Он был главой драконьего рода. Если гниль вошла в его родовое пламя, это могло стать катастрофой. Огонь кормит гниль. Гниль кормится драконьей силой. А рядом — живой лес, больной, огромный, реагирующий на любой удар паникой.

Один заражённый дракон мог спалить всё вокруг.

И сам сгореть.

Я ненавидела эту логику.

Ненавидела профессиональную часть себя, которая уже отодвигала личную обиду и раскладывала ситуацию по симптомам.

Боль. Заражение. Источник. Контакт через артефакт. Быстрое распространение. Острый приступ.

Пациент: Рейнар Астерхольд.

Отношение к пациенту: хочется стукнуть.

Лечебная тактика: сначала стабилизировать, стукнуть потом.

Сверху снова донёсся хрип:

— Эвелина!

Я сжала челюсти.

— Меня зовут Ева.

Северин смотрел на меня с нечитаемым выражением.

— Ты всё равно пойдёшь.

— Да.

— Почему?

— Потому что если пациент идиот, это ещё не показание дать ему умереть.

— В твоём мире врачи всегда спасают врагов?

Я усмехнулась.

— В моём мире врачи спасают всех, кто успел попасть к ним в руки. А потом иногда пишут жалобы на главврача, систему и судьбу.

Он не понял, но, кажется, услышал главное.

— Тогда я иду с тобой.

— Нет.

— Да.

— Северин.

— Если связь откроется шире, Рейнар может ударить через источник. Если рядом Летиция, она может увидеть тебя. Если гниль услышит твой голос, она потянется к тебе. Ты не знаешь здешних правил.

— А ты не знаешь медицины.

— Значит, оба будем полезны.

Я хотела возразить.

И не смогла.

Потому что он был прав.

Ненавижу, когда мрачные мужчины с ножами правы.

Мы поднялись в холл.

Фонтан кипел.

Не бурлил водой, а именно кипел светом. Серебряные волны поднимались над чашей и падали обратно, разбиваясь на искры. На поверхности дрожало изображение — размытое, рваное, словно кто-то пытался настроить связь через помехи.

Рейнар стоял на коленях.

Не в герцогском зале. В своей комнате, судя по тёмным стенам, широкому столу, опрокинутому креслу и окнам, за которыми полыхала гроза.

Он держался одной рукой за грудь.

Под его пальцами кожа светилась алым.

Нет.

Не светилась.

Горела изнутри.

По шее вверх ползли тонкие чёрные линии. Они уходили под ворот, под кожу, к вискам, туда, где раньше мерцали красивые алые драконьи прожилки. Теперь в этих прожилках были тёмные разрывы.

Рейнар поднял голову.

И увидел меня.

На его лице мелькнуло столько всего сразу, что я не успела разобрать: боль, ярость, облегчение, стыд, недоверие.

— Эвелина...

— Ева, — сказала я. — Повторим, пока не запомните.

Он моргнул.

Северин тихо встал рядом со мной.

Рейнар сразу заметил его. Даже в таком состоянии.

— Убери его.

— Вы сейчас не в положении раздавать интерьерные рекомендации.

— Он опасен.

— Вы тоже. Но я с вами разговариваю.

Рейнар стиснул зубы. По его руке прошла судорога. На мгновение пальцы стали когтями, чёрными и алыми, потом снова человеческими.

Непроизвольная частичная трансформация.

Плохо.

— Что происходит? — спросила я.

Он хрипло рассмеялся.

— Ты знаешь.

— Я предполагаю. Мне нужны симптомы.

— Симптомы?

— Да. Боль где? Когда началась? После контакта с Летицией? С ожерельем? Было ли жжение, озноб, потеря контроля над обращением, запах гари, изменение цвета чешуи?

Рейнар смотрел на меня так, будто я заговорила на языке, которого не должно было существовать.

— Ты... спрашиваешь меня как лекарь.

— Я и есть лекарь. Отвечайте.

Он опустил взгляд на свою грудь.

— Началось после того, как она коснулась родового пламени.

Матвей за моей спиной тяжело выдохнул.

— Родового чего? — спросила я.

Северин ответил тихо:

— Сердце драконьего дома. Магический огонь, который поддерживает силу рода.

— Она имела к нему доступ через ожерелье?

Рейнар замер.

Вот теперь он понял.

По-настоящему.

— Нет, — сказал он.

Не мне. Себе.

— Нет.

— Да, — сказала я. — Вы сами дали ей доступ.

Его лицо стало мёртвенно-бледным.

— Она сказала, что может усилить пламя. Что её кровь рода Вейр совместима. Что Эвелина... — Он осёкся. — Что ты никогда не смогла бы...

— Быть полезной?

Он молчал.

— Договаривайте, милорд. Сегодня у нас день честных диагнозов.

Чёрные линии на его шее дёрнулись. Рейнар согнулся от боли, сжал край стола. Дерево треснуло.

— Она влила что-то в огонь, — выдохнул он. — Пламя стало чёрным. Потом... вошло в меня.

— Где Летиция?

— Исчезла.

Конечно.

Я закрыла глаза на секунду.

— Слушайте внимательно. Это не проклятие. Не кара. Не слабость рода. Это заражение. Летиция использовала ожерелье как проводник. Сейчас гниль вошла в вашу драконью силу. Если вы обратитесь полностью, она распространится быстрее.

— Я не могу сдержать обращение.

Вот это было уже совсем плохо.

Его плечи дрогнули. Под кожей прошла волна. На скулах проступила чешуя. В комнате за его спиной вспыхнул алый свет.

— Рейнар, смотрите на меня.

Он поднял глаза.

— Дышите медленно.

— Что?

— Медленно. Вдох. Выдох. Не тянитесь к огню. Не давите его. Вы сейчас как человек с панической атакой, который пытается победить сердце приказом биться нормально. Не работает.

Северин посмотрел на меня так, будто слово “паническая” собирался запомнить и использовать против меня позже.

Рейнар хрипло усмехнулся.

— Ты сравнила дракона с испуганным человеком?

— В данный момент сходство поразительное.

Он хотел ответить резко, но его снова скрутило. Из рта вырвался рваный выдох с искрами.

— Вдох, — сказала я жёстко. — Через нос. Медленно.

— Ты приказываешь мне?

— Да.

— Я герцог Алого дома.

— А я врач, и сейчас у вас приступ. Вдох.

На удивление, он подчинился.

Плохо. Неровно. Но подчинился.

Чёрные линии на шее замедлились.

Немного.

— Хорошо, — сказала я. — Теперь найдите источник боли. Не огонь. Боль.

— В груди.

— Не давите её. Представьте, что она не враг, а сигнал.

— Это бред.

— А вы сейчас разговариваете с бывшей женой через живой фонтан из проклятого леса. Планка бреда давно пройдена.

Северин отвернулся.

Кажется, чтобы скрыть улыбку.

Рейнар сделал ещё один вдох.

Вода в фонтане пошла кругами. Я вдруг увидела его грудную клетку не как тело, а как схему: алое пламя в центре и чёрные нити, впившиеся в него. Они расползались по каналам силы, как тромбы по сосудам.

Слишком быстро.

Нужно было уменьшить нагрузку.

— Вам надо изолировать родовое пламя, — сказала я. — Отрезать связь с домом. Временно.

Рейнар открыл глаза.

— Это невозможно.
— Если ещё раз услышу это слово, начну выставлять штрафы.
— Родовое пламя нельзя отсечь. Оно держит дом, вассалов, защиту, кровь...
— Если не отсечь, гниль пойдёт по всем.
Тишина.
Он понял.
Сразу.
Не хотел, но понял.
— Сколько времени? — спросил он.
— До чего?
— До полного заражения.
Я смотрела на чёрные линии.
Врач не должен врать, когда речь о времени. Но и добивать пациента правдой без пользы — тоже.
— Мало.
— Часы?
— Возможно.
Его лицо застыло.
И вот тут впервые за всё время я увидела не герцога, не дракона, не бывшего мужа.
Главу дома.
Человека, который в одну секунду понял: если он ошибётся, пострадает не только он.
— Как отсечь? — спросил он.
Северин напрягся.
— Рейнар...
— Не тебе говорить, изгнанник.
— Если отсечёшь пламя неправильно, сгоришь изнутри.
— Тогда говори правильно.
Они смотрели друг на друга через воду, и между ними было столько старой ненависти, что фонтан едва не замёрз.
— Хватит, — сказала я. — У нас нет времени на мужскую историческую неприязнь.
Оба посмотрели на меня.
Одинаково возмущённо.
Прекрасно. Общая эмоция сближает.
— Северин, вы знаете, как это сделать?
— Теоретически.
— Рейнар, вы готовы слушать человека, которого ненавидите?
— Нет.
— Тогда умирайте.
Он замер.
Я тоже.
Слова прозвучали жестче, чем я планировала. Но обратно их было не забрать.
— Простите, — сказала я тише. — Нет, не простите. Я переформулирую. Вы можете сейчас выбрать гордость и умереть. Можете выбрать дом и слушать. Третьего варианта у меня пока нет.
Рейнар смотрел на меня долго.
Очень долго.
А потом медленно кивнул.
— Говори, Арвенн.
Северин подошёл ближе к фонтану.

— В родовом зале должен быть нижний круг пламени.

— Есть.

— Разомкни три внешних печати. Не внутренние. Только внешние. Потом встань между огнём и родовой чашей. Прими удар на себя. Не обращай. Что бы ни случилось — не обращайся.

— Это убьёт меня.

— Возможно.

Я резко посмотрела на Северина.

— Вы отвратительный консультант.

— Это правда.

— Мне нужна правда с планом выживания.

— План выживания — она.

Он посмотрел на меня.

Я уже не удивлялась. Только устало спросила:

— Что мне опять надо трогать?

Матвей за моей спиной застонал:

— Госпожа...

Северин указал на фонтан.

— Если источник проведёт через неё чистую воду Арвенна, можно будет охладить родовое пламя. Не погасить. Снизить жар. Выиграть время.

— Какие риски?

— Для него — выжить с повреждённой силой. Для неё — источник может забрать слишком много.

— Прекрасно. То есть плохой вариант и очень плохой.

Рейнар резко сказал:

— Нет.

Я посмотрела на него.

— Что нет?

— Ты не будешь рисковать собой ради меня.

Я даже не сразу нашлась, что ответить.

— Милорд, вы очень поздно начали уважать мои границы.

Он вздрогнул.

Попала.

— Я не ради вас, — сказала я. — Ради тех, кого гниль сожрёт следом.

Его лицо снова стало каменным, но теперь это была не холодность. Скорее попытка удержаться.

— Что нужно делать?

Я опустила руки в фонтан.

Вода была холодной.

Пока.

— Идите в родовой зал, — сказала я. — Размыкайте внешние печати. Как только боль усилится, говорите мне.

— Ты уверена?

— Нет. Но я врач. Мы часто работаем с тем, что есть.

Связь дрогнула.

Изображение сменилось.

Теперь мы видели зал с огромной чашей огня в центре. Пламя было алым, но внутри него клубилась чернота. У стен стояли драконьи статуи. На полу — три светящихся круга.

Рейнар вошёл в зал, пошатываясь.

Каждый его шаг отдавался в воде.

Северин встал рядом со мной и положил ладонь на край фонтана.

— Когда скажу, отпускай воду. Не раньше.

— А как отпускать?

— Позови источник.

— Он не собака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.